

*Памяти поэта
Вадима Негатурова*

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ
2014
СТИХИ

**Псков
2014**

ББК 84(2Рос=Рус)6
С 48

Составитель Андрей Бениаминов
Оформление Андрея Бениаминова

Словенское поле – 2014 : стихи / сост. А. Бениаминов. – Псков,
С 48 2014. – 120 с.

Поэтический сборник «Словенское поле – 2014» включает в себя избранную поэзию участников одноимённого фестиваля, прошедшего 25–26 июля 2014 года в Изборске и Пскове.

Ряд авторов сборника публикуются впервые.

Всякое коммерческое использование текстов сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

© Авторы текстов, 2014

© А. Бениаминов, составление, оформление, 2014

© Государственный комитет Псковской области по культуре, 2014

© Псковское региональное отделение Союза писателей России, 2014

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ – 2014

Сборник «Словенское поле – 2014» является итогом, заключительным штрихом одноимённого поэтического фестиваля, прошедшего на Псковщине в июле уходящего года.

Его открывают стихи православного поэта, патриота, участника одесского движения «Куликово поле» Вадима Негатунова, памяти которого посвящён и прошедший фестиваль, и этот сборник.

В 2013 году Вадим Витальевич стал первым поэтом, приславшим заявку на участие в фестивале «Словенское поле» и – по итогам первого тура рассмотрения произведений – одним из претендентов на победу в конкурсной программе фестиваля.

К сожалению, в 2013-м Вадим Негатунов приехать в Псков не смог, отложив своё участие в фестивале на один год. Но и этим планам не суждено было сбыться – поэт погиб 2 мая 2014 года при пожаре в одесском Доме профсоюзов. И всё же стихи Вадима Негатунова на «Словенском поле – 2014» прозвучали, как прозвучал у древних стен Изборской крепости его «Марш Куликова поля». Памяти Вадима Негатунова, одесской трагедии и в целом новой украинской истории были посвящены стихи многих поэтов – участников фестиваля.

Поэтический форум заявлен как «фестиваль исторической поэзии». В этом году особенно много стихов было именно о современной истории, о России, об Украине, о Крыме. Не остались без внимания и темы древней русской истории, Великой Отечественной войны, размышления о месте поэта, месте человека в историческом поле и в современной жизни.

Вот уже третий год организаторы фестиваля «Словенское поле» позиционируют его как открытый, причем не только для профессионалов, но и для начинающих авторов. Каждый поэт, приехавший на фестиваль, может прочитать свои стихи – приоткрыть слушателю часть своей души, вложенной в ритмику слов, образы, рифмы и строфы. Именно эти стихи представлены в новом итоговом сборнике. Разумеется, они различаются по тематике, смысловой нагрузке, стилю и уровню написания. Но все эти стихи и их авторов собрала Псковская земля у древних стен Изборской крепости на фестивале «Словенское поле».

Андрей Бениаминов,
поэт, организатор и ведущий фестиваля
«Словенское поле – 2014»

Вадим НЕГАТУРОВ
г. Одесса, 1959–2014

СОЛДАТЫ ДУХОВНОЙ ИМПЕРИИ

Евпатию Коловрату, Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Патриарху Филиппу II, Ермаку Тимофеевичу, Богдану Хмельницкому, Антону Головатому, Александру Суворову, Петру Багратиону, Александру Грибоедову, Федору Тютчеву, Петру Столыпину, Патриарху Тихону, Николаю и Льву Гумилёвым, Георгию Жукову, Дмитрию Лихачёву, Сергею Королёву и многим-многим другим, в том числе и ныне живущим, таким разным по профессиональному призванию, но единым в главном, – посвящается...

...он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.
(Евангелие, Книга К Римлянам, Глава 13, из Стиха 4)

...возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие.
(Евангелие, Книга К Ефессянам, Глава 6, Стихи 16 и 17)

*Там и звуки, и краски не те,
Только мне выбирать не приходится,
Очень нужен я там, в темноте!
Ничего, распогодится.*
(В.С. Высоцкий, из песни «В темноте»)

У двуглавых орлов окантованы золотом перья...
Для двуглавых орлов неизменен имперский статуй...
Между злом и добром, на границе Духовной Империи,
Добровольцы-Солдаты безсрочную¹ службу несут.

Впереди, в темноте, – злое воинство чёрной материи,
В полумгле пограничной – шпионы, иуды, ворьё...
Умываются потом кровавым Солдаты Империи,
Шаг за шагом в боях расширяя границы её.

Хуторские народцы путь жизненный сытостью меряют;
Жаждет славы позёр; торгашу – лишь в процентах резон...
Эти страсти скудны для Солдата Духовной Империи:
Тесен хутор ему; мир барыг и позёров смешон!

Деньги, слава и власть добровольцу отнюдь не критерии,
Страх – не стимул ему, а чины – не мерило ему,
Но святая награда Солдату Духовной Империи –
Поступь Божьих побед – дивный свет, прожигающий тьму.

¹ Автор знает, что по нормам современного русского языка данное слово следует писать не через З, а через С, но сознательно использует в подобных словах и в соответствующих стихотворениях дореволюционную («до-ленинскую») орфографию, в которой приставка БЕЗ не имела формы БЕС. Автор, даже невольно, не желает славить беса («бессрочный» = «бесовская срочность»). (Прим. автора.)

Ни опричникам грозным – дзержинским, скуратовым, бериям,
Ни царям, ни генсекам, ни лидерам скотских эпох
Не даётся никак власть над сердцем Солдата Империи,
У солдатского сердца один государь – только Бог.

Строй бойцов невелик, но зато не редет с потерями –
Все у Господа живы! И каждый, кто в Вечность уйдёт,
Остаётся и там Вечным Воином Вечной Империи,
Путь к победам земным освящая с Небесных Высот.

А на грешной земле, твёрдо в принцип имперский уверовав,
В строй становятся те, чьи сердца – драгоценный кристалл.
И не знают порой добровольцы – Солдаты Империи,
Что на ратную службу их сам Вседержитель призвал.

Строго спросится с них – ведь избранники Божьи теперь они!
Будет сила дана им – прямая Небесная связь!
И простится им многое – честным Солдатам Империи,
И войны неизбежная кровь, и окопная грязь...

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Вновь миром правит зло, вновь бесам «несть числа»,
Вновь свиньями Святое попирается...
Но только зазвонят в Церквах колокола –
Вся нечисть на Планете содрогается...

У колокольных нот – Божественный клавишник
И русское звучание державное.
Звонят колокола – и слушает весь Мир
Святые перезвоны Православные!

Зря временным победам радуется ад –
Ещё настанет битве час решающий!
...А колокольный звон – торжественный набат,
Нас под Хоругвь Христову созывающий...

МУЖСКАЯ МОЛИТВА

Дай сил, Господь... и дай железной воли,
Чтоб силами успешно управлять;
Дай мудрости постичь Твои Глаголы,
Чтоб волю на добро употреблять.

В больницах, тюрьмах, каторгах угарных,
В сырых ночлежках нищенских дорог –
Дай, Господи, остаться благодарным
За каждый Твой прижизненный урок...

В почёте, в положении фавóрном,
Когда богат и нет нужды ни в чём, –
Дай, Боже, чести помышлять о гóрнем
И только лишь вторично – о земном...

Когда на фоне скорбных ситуаций
«Всё брось... Вскрой вены...» – шепчет древний змей, –
Дай, Боже, ни на миг не сомневаться
В Любви и Справедливости Твоей.

Дай женщину, Господь, вся жизнь с которой –
Единство душ, слиянье естества;
Избавь от блуда и позорных хворей,
От грязи полового воровства.

Когда в похабной и хмельной стихии
Мужчин и женщин крутит кутерьма, –
Дай, Боже, средь беспечной эйфории
Услышать голос трезвого ума...

Когда войной на мирный край обрушит
Свирепый хан безжалостную рать, –
Дай, Боже, право в руки взять оружие,
Благослови врагу противостать.

Дай, Господи, возможность причаститься
В преддверии загробного пути,
А коль в бою внезапно смерть случится –
Помилуй и заранее прости...

Дай, Боже, детским смехом наслаждаться,
Любя детей в суровой простоте...
Дай доблести мужчиною остаться...
Жить в совести... родиться во Христе...

МАРШ КУЛИКОВА ПОЛЯ

В Одессе есть площадь – Куликово Поле (одна из центральных площадей)... Здесь стоят бессрочные палатки «Антимайдана». Сегодня в Одессе эта площадь стала символом сопротивления «галицийскому» нацизму и узурпации власти в Киеве кучкой прозападных «майдаунов». Но главное – площадь Куликово Поле стала знаменем борьбы одесситов за соборное единение народов Руси – украинцев, белорусов, россиян... Борьба одесситов с нацистами и узурпаторами сегодня так и называется – Движение «Куликово Поле». Смею заметить, что направленность этой борьбы выходит за рамки географического понятия «Одесса». Одесса, как и Куликово Поле, – это давно уже особые категории Русского Мира. Нижеприведенный марш является попыткой художественно выразить сущность Движения «Куликово Поле».

Вадим Негатуров

*Мы тогда победим Россию, когда украинцы и белорусы
поверят, что они не русские.
(Адольф Гитлер. Изречение взято из книги Хью Тревора-Роупера
«Застольные разговоры Гитлера 1941–1944 гг.»)*

I

Зубы сжав от обид, изнывая от ран,
Русь полки собирала молитвой...
Кто хозяин Руси – Славянин или Хан? –
пусть решит Куликовская Битва.
И, сразив Челубея, упал Пересвет,
но взметнулись знамёна Христовы!
Русь Святая! Прологом имперских побед
стало Поле твоё Куликово!

Припев:

Русичи, вперёд! Русичи, вперёд!
Сокрушим орду поганой нечисти!
Снова Русь в опасности! Сегодня – наш черёд
доказать любовь свою к Отечеству!
...Делом доказать любовь к Отечеству!
...Кровью доказать любовь к Отечеству!
...Жизнью доказать любовь к Отечеству!

II

Русь Святая! Шагая сквозь пламень веков,
не искала ты в пламени броды,
сил своих не щадя, побеждала врагов
и спасала другие народы.

Светом Правды, что дарит нам Бог в небеси,
возрождалась славянская сила,
укреплялись в единстве три части Руси –
Беларусь, Украина, Россия...

Припев:

Русичи, вперёд! Русичи, вперёд!
Сокрушим орду поганой нечисти!
Снова Русь в опасности! Сегодня – наш черёд
доказать любовь свою к Отечеству!
...Делом доказать любовь к Отечеству!
...Кровью доказать любовь к Отечеству!
...Жизнью доказать любовь к Отечеству!

III

С небоскрёбов заморских, от схроновых нор
ядом стелется мрак сатанинский,
чтобы Русь отравить, чтоб посеять раздор
меж Славян в их соборном единстве.

Но врага, будь он даже хоть дьявола злей,
на Руси ждут с терпением суровым
Сталинград, и Полтава, и доблесть Полей
Бородинского и Куликова!

Припев:

Русичи, вперёд! Русичи, вперёд!
Сокрушим орду поганой нечисти!
Предки отстояли Русь! А нынче – наш черёд
доказать любовь свою к Отечеству!
...Делом доказать любовь к Отечеству!
...Кровью доказать любовь к Отечеству!
...Жизнью доказать любовь к Отечеству!

Андрей КАНАВЩИКОВ
г. Великие Луки

УКРАИНСКОЕ ПЛАМЯ

Памяти поэта Вадима Негатурова, скончавшегося в реанимации Одесской городской клинической больницы № 10 от ожогов, полученных 2 мая в Доме профсоюзов

Поэты живут, старея,
Пьют дрянное вино,
И факелом Прометея
Стать им не суждено.

Бывает, один из тысяч,
Провидя свой почерк и стиль,
Сумеет вдруг искру высечь,
Затеплить свечи фитиль.

Всё так.
Но отчаянно больно,
Когда, разбивая стекло,
Дыхнула фашистская бойня,
Дыхнула кроваво и зло.

Пытаясь понять всё и взвесить,
Тьмы чёрный покров побороть,
Вспыхнула в мае в Одессе
Поэта горючая плоть.

И взвилось в полночи пламя,
И слышал обугленный дом:
Останусь навечно я с вами
Укором, уроком, огнём!

В потоке фашистском, весёлом
Сломаны судьбы и речь,
Если не жечь глаголом,
Поэтов приходится жечь.

И гарь из тяжёлых бессонниц
Подкрадывается из-за угла,
В Одессе обуглилась совесть
У тех, у кого была...

БЕДА И СЧАСТЬЕ

С тяжёлым кровожадным блеском,
То в лес врываясь, то в село,
Беда бежала перелеском,
А счастье медленно брело.

Беда неслась, не веря в жалость,
Не веря в чудо и авось,
Беда стремительно бежала,
А счастье медленно плелось...

СИЛЬНЫ ПАМЯТЮ

Живых всё меньше ветеранов,
И молодёжь увидеть их
Сумеет только на экранах
Да на страницах редких книг.

Они – как витязи из сказки,
Их очень редко, второпях
На праздник возят на коляске
При юбилейных орденах.

Седыми стали даже брови,
Течение лет – как свист минут,
Войны последние герои
Живут, как в вечный бой идут.

Сроднясь навек с их именами,
Шальная мысль вдруг бьёт под дых:
А ведь последние мы с вами
Из тех, кто видит их живых.

И, может, в день разгрома фрицев
Лет через двадцать так, спеша,
Нас будут, словно очевидцев,
На встречи в школы приглашать.

Начнут выспрашивать детали,
Заполнив новую главу,
Под шепоток: «Они видали
Тех ветеранов наяву!»

Нам этой памяти учиться,
Снимая знанием вопрос,
Запомним каждую частичку
Того, что слышать довелось.

И время нас в порыве бурном
Однажды бросит в людный зал,
Хоть мы Берлин не брали штурмом,
Мы знали лично тех, кто брал!

Сильны мы верностью традиций,
И нет основ у нас иных:
Нам довелось живым гордиться,
Нам повезло их знать живых!

А дальше будет как обычно.
Расскажут дети с теплотой,
Что знали тех, кто видел лично
Бойцов Отечественной той.

И внуки, чуждые оваций,
В себе вселенную открыв,
Поймут, что нитям не прерваться,
Пока в России кто-то жив!

ОДА ОДЕССИТАМ

Я не бывал на той войне,
Она приснилась мне во сне.
Среди шумящей тишины
Взывали росичи-сыны...
Глоток-поток и тишина...
И маем мается страна...
Идёт народная молва,
Решимости полна...
Сказать... и в довершенье вдруг
В толпу врывается испуг...
Людей огнём не запугать,
Слова мечом не порубать...
И речи враз не истребить,
Людей забвеньем не забыть...
О Боже, Боже, этот круг
Смыкает вовсе не испуг...
Всех нас сплотила эта боль,
Уже не важно, чья здесь роль...
Нельзя смолчать: кричать, кричать!
И имена их повторять,
Всех тех, кто был, стоял, бежал,
Но рубежи свои держал...
Всех тех, кого застиг обман,
Кто от обиды – не от ран...
Обмяк на белой простыне...
Я не бывал на той войне...
Но это было не во сне....

Эдуард ПЕТРЕНКО
г. Печоры Псковской обл.

ПАМЯТИ ВАДИМА НЕГАТУРОВА

Не он горел, душа его горела
И разум обезумевший пылал,
Когда в дыму, под снайперским прицелом
Последние он строчки написал.

Они ворвались в мир, как завещанье,
Как миг прозренья той святой борьбы,
Как крик души, рождённой на закланье
Его израненной и праведной судьбы.

И те стихи – как вызов изуверам,
Несущим в мир кровавый отблеск войн,
Погрызшим в блуде, жадности, химерах,
Где слышен сатанинский вой.

А те стихи горят бессмертным светом
И будят совесть в молодых сердцах.
Не потому ль, что он погиб поэтом,
Влюблённым в жизнь оставшись до конца?..

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ

Жизнь прожить – не поле перейти...
Ну а это поле под Изборском –
Как начало трудного пути,
Как времён былинных отголоски.

Славилась всегда святая Русь
Необъятным полевым раздольем,
Ну а здесь сжимает сердце грусть
Вперемешку с гордостью и болью.

Здесь врага встречали псковичи.
Сколько в битвах тех сгорело судеб!
Но доньне бьют Словенские ключи
И в сердцах живую веру будят.

Нет, не взять Россию на излом,
И сегодня здесь стоит по праву
Под крестом святым высокий холм
Как нетленный символ русской славы.

И умом Россию не понять,
Полевым раздольем не измерить,
Эту землю нужно просто знать,
В эту землю нужно просто верить!..

СКОБАРЬ

Нагретый добела металл
Поёт на жёсткой наковальне,
И в горне том – души накал,
Моё скобарское призвание.
У кузнеца – особый дар,
В нём страсть огня, руки сноровка,
И ух! И ах! Ещё удар –
И мир застыл в одной поковке.
А кто-то звонкою скобой
Сведёт венцы избы просторной.
Так связан я одной судьбой
С моей Россией непокорной...

ОДЕССА

Будь я проклята, если забуду,
Я – свидетель
На Страшном суде.
Я, Россия,зираю на трупы
Своих зверски убитых детей.
Я – одна,
Мне никто не поможет –
Мир во зле пребывает
И лжи!..

Этот мир
Правды видеть
Не может –
Он в закрытый нас гроб
Положил.

Нас хоронят –
Никто не рыдает,
Лишь исходятся кровью
Цветы.
Ничего! Всё равно
Мы восстанем
И пойдём,
Поднимая кресты,
Как Победы великое знамя, –
Больше к нам не притронется
Смерть,
И убийцы
Сквозь адское пламя
Не посмеют
В глаза нам смотреть.

Помни нас, дорогая Одесса!
Ты жемчужина в наших сердцах!
О Россия! Умрём и воскреснем
И пребудем с Тобой до конца.

.....
Убийцы наши не скрывают лица –
У нас же больше не осталось лиц...

Мы знаем имена своих убийц!!!

И ничего,
Что в землю мы зарыты, –
Мы знаем все,
Что на земле сокрыто.

ДЕРЕВО

На Древе жизни
Новое кольцо,
И время мне волной
Плеснёт в лицо,
И я проснусь –
Каким-то чудом старше
На целый год,
Потом ещё на год...
Так незаметно
Жизнь моя
Пройдёт...

А Дерево
Так медленно
Растёт.

Мария ПАРАМОНОВА
г. Смоленск

БАЛЛАДА О СОЖЖЁННЫХ

*Посвящается жертвам трагедии в Одесском
Доме профсоюзов, всем жертвам агрессии,
погибшим в огне за все века, что стоит земля
русская.*

Гликерья двадцать лет рыдает в келье,
Под Псков-Печорой близких потеряв.
И молится без усталы Гликерья
И в келье, и у стен монастыря.

И будто заклиняет эти стены
Сестёр-монахинь в горе убережь,
Христовым Рождеством благословенных,
День ото дня одну заводит речь:

– Молитесь, сёстры,
На пороге враг,
И для него неведом Божий страх!

– Ну, милая, не надо, обойдётся, –
Сестра Аполлинария твердит.
Но вечером поляки и литовцы
Пожаловали с запада к Твери.

Смоленск в осаде, Псков уже потерян,
Безумие и смута на Руси.
– Неужто ты права была, Гликерья!
О Господи! Помилуй и спаси!

– Молитесь, сёстры,
На пороге враг,
И для него неведом Божий страх!

В горящем храме, стоя у иконы,
Гликерья и спокойна, и строга.

И Господу – последние поклоны
Пред гибельным нашествием врага.

И бег веков не поменяет сути...
Вскипает зло горючею рекой,
Пылают окна, погибают люди,
Их души со Святыми упокой!

Молитесь, сёстры,
На пороге враг,
И для него неведом Божий страх!

* * *

Кто говорит на древнем языке,
На том, что был до Вавилонской башни,
Накоротке с грядущим и вчерашним,
С живым и неживым накоротке?

Новорождённый крохотный малыш,
Пришедший из неведомого рая,
Поёт о нём, язык единый зная,
Но слышится нам детский лепет лишь.

Он – делегат заоблачных высот,
Полны всепониманием глазёнки,
И голосок, пронзительный и звонкий,
Родителям любовь небес несёт.

«Агу» звучит с тех пор, как создан мир, –
Вот языка утраченного слово,
Единой для людей первоосновы,
У Бога бывшей, бывшей Им самим!

Но подвиг понимания не прост:
Один малыш среди больших не воин.
Язык родни он вынужден усвоить,
И полыхает на планете рознь.

Очнитесь, люди, неужели зря
Спасительное чудо с вами рядом:
Два малыша, соединившись взглядом,
На языке забытом говорят!

* * *

*Обостри слух мой, дабы во все минуты жизни я слышал
Твоей таинственный голос и взывал к Тебе, вездесущему:
Слава Тебе, Боже, во веки.
(из акафиста «Слава Богу за всё»)*

Перед иконою свеча
Потрескивает, догорая,
И так легко теперь молчать,
Душой дотронувшись до рая.

И, шум людского бытия
Отринув, слушать голос тайный,
Что говорит внутри меня
О совпадениях неслучайных,

О разрушение тщетных дел,
Об отрезвляющих страданиях.
Смирение – вот мой удел,
Молитва, слово покаянья.

Перед иконою свеча
Потрескивает, догорая,
И так легко теперь молчать,
Душой дотронувшись до рая.

И с благодарностью прочесть
Едва заметное движение –
На догорающей свече
Любви незримой отражение.

Сергей ЗАЙЦЕВ
г. Городец Нижегородской обл.

МОНОЛОГ ОПОЛЧЕНЦА

Автоматы вплетают в воздух свинец.
Рука не дрожит; понадобится – и нож метну.
Когда же этому всему придёт конец?
Я защищаю свою страну.

От кого? От вчерашних братьев своих –
сегодня уже лютых врагов.
Я слышал: свободный стих –
верлибр – слаще рифмованных стихов.

Тенькают пули, рисуя жуткий ритм,
чеканя звуками то хорей, то ямб.
Мне кажется, смыслы смертельных рифм
свалят оптом в общие ямы.

Отбили танки, установку «Град»,
вроде радоваться бы, но
тянет с окраин вонючий смрад
копоти,
заползает рептилией в окно.

Отдышались всё-таки кое-как.
Если выживем – отдохнём
от безумных этих атак,
проливающихся огнём.

* * *

Ты бросил камень. Камень возвратился,
как бумеранг, пробил сквозную брешь.
Поток воздушный вновь соединился.
В тебя вцепился, словно цепкий клещ,

не тот бульжник, что швырнул ты мимо,
а голос, будто выплыл издали
и зазвучал объёмно, звучно-зримо:
«Что отболело, то уж не болит.

Что потерял, того уж не воротишь,
ручьями не придут былые дни,
не встретишь больше тех, кого захочешь.
Деревья, превратившиеся в пни,

тебя в тени шикарной не укроют,
не сдвинут свои кроны набекрень.
А что вернулось вроде бы покорно –
так то не камень, просто птицы тень».

БАЛЛАДА О КИТЕЖ-ГРАДЕ

Жили в этом городе чудесном
Старцы бородатые, седые.
Оглашалась мирная окрестность
Голосами юными, младыми.
Церкви, храмы украшали город
Золотом, вознёсшимся до неба.
И смирялось всё: жара и холод,
Потому-то вдоволь было хлеба,
Мёда, рыбы, в бочках просолённой,
В закромах иголке было тесно.
И леса в обличии зелёном
Окружали город тот чудесный.
В нём народ жил праведно и долго,
С крепкой верой и молясь усердно,
Думая о совести и долге,
О любви простой и милосердной,
Не боясь лихого супостата,
Крепость не выстраивал из камня,
Не боясь глазёнок вороватых,
Ни татарских полчищ злого хана.
Потому что вера в сердце каждом
Крепче стен высоких, стали прочной.
Но случилось все-таки... Однажды

Враг подкрался тихо тёмной ночью
К городу, что в озеро гляделся,
Отражаясь золотом и счастьем.
И в глазах татарских разгорелся
Алчный пламень. «Вот твои напасти, –
Процедил Батый, потом добавил:
– Был ты Китеж, станешь грудой пепла.
Я других пока не знаю правил.
Всё разграбим и сожжём, а ветры
Разнесут молву о силе ханской
До Рифейских гор, равнин Бенгальских,
До земли таинственной Иранской.
И на запад – до народов галльских.
И тогда ко мне придут с поклоном
Шахи, короли, князья, как слуги,
Кто с улыбкой, кто с надрывным стоном
Будут мне напрашиваться в други.

Я надменным стану и спесивым,
И не всяк со мной сдружиться сможет.
Я коням закручиваю гривы
И в степях устраиваю ложе.
Я славянкам буду резать косы
И топтать поля со спелой рожью,
Жечь деревни, слышишь ты, гундосый?»
А того пробило мелкой дрожью,
И свело раздавшиися скулы.
Рот застыл в немом ужасном крике,
Словно перебили караулы
У орды жестокой, злой и дикой.
Хан Батый хотел ударить труса.
Пусть его изжалят злые осы!
«Хан, гляди, как тонет город русов», –
В страхе прошептал едва гундосый.
Город исчезал. Казалось, воды
Всё текли и всё его топили,
Как туман, растаял в непогоду
Китеж-град. Его не победили

Полчища жестокого Батыя,
Эта тьма плюгавых, что изыдет.
Город жив и здравствует поныне,
Но сокрыт, и мы его не видим.

* * *

«Горе нам, горе нам, горе нам! –
плакала мать у реки. –
Злые фашистские оргии
братские сеют полки.

Сколько всего поразрушено,
сколько разорвано в пыль
этими тёмными душами,
потерявшими крыль –

я и не знаю, где выцветут
зёрна добра и любви.
Сёла, деревни – всё выжжено,
травы сгорают в крови,

рдяной, багряной, огненной...»
Кто же сумеет унять
эти безумные оргии,
нам не понять, не понять.

Жгучими, тяжкими бедами
мы окольцованы, мать.
Богу Единому ведомо,
сколько придётся страдать.

ДЕРЕВУ НА БРАТСКОЙ МОГИЛЕ. ВЯЗЬМА

И я теперь не смею говорить.
Что я могу?.. Им ночь как покрывало!
Я тяжести войны такой не знала,
не испытала этой страсти: «Жить!»

Но дерево, которое лежит,
громадно, значит, соки их впитало.
И рук и ног моих мне будет мало,
чтоб дерево такое обхватить.

Но в каждой его трещинке слова
звучат, как гимн: «Мы живы... живы... люди!
Пока народ наш жив – мы живы будем»,
но я не знаю, так ли я жива,

как сотни этих умерших солдат,
сумевших плотью прородиться в древе.
Я знаю, что они теперь на небе,
на нас с небес торжественно глядят.

Но дерево, которое лежит,
глядит с укором... В чём мы виноваты?..
В том, что сильнее любили нас солдаты,
чем сами мы сумели полюбить.

Оно погибло, сбросивши листву.
В его листве солдат померкли лица.
Всё потому, что на земле живут
сегодня те, кто ею не гордится.

Всё потому, что не понять страну
всем тем, кто не вскормил её костями,
кто не познал цены за тишину
и доброту небес над головами,

за этот вот простой кусок земли
старинной Вязьмы у лесной опушки,

за блеклый купол – он сиял вдали
на самой незатейливой церквушке.

И я, ладони к древу прислоня,
шепчу ему: «О древо, дай мне силы:
от чёрствости моей и от бессилья
всей силою солдат спаси меня!»

В ПОСЁЛКЕ СЧАСТЬЕ

В посёлке под именем Счастье,
в далёкой российской дыре,
как странно, какие-то власти
устроили бой во дворе.
Устроили взрывы и вздоры,
и в мир, где война не жила,
зашли пулемёты, моторы,
дыхание пушек с утра.
А кажется: будто не с нами,
что вести и новости лгут,
что снова вдали, над лугами,
лишь тихие птицы поют.
Со Счастьем беды не случится!
Но все же случилась беда.
И страшно сегодня мне спится,
и холодно, как никогда.
Всё думаю: там, за горами,
за избами, в тихой глуши,
как бьются они за буграми
за хлюпкие жизни гроши.
Как плачут – из дома уходят,
(Я горе их слышу и тут!),
как места себе не находят
от этих печальных минут.
Мне стыдно лежать тут без дела,
на чёрное небо глядеть.
Я с ними сегодня б хотела
увидеть и счастье, и смерть.
В посёлке под именем Счастье
нет больше счастливых минут,

Неважно, какие там власти,
какие – к рассвету придут.
Какие там танки, гранаты?..
Но, странно, не создан запрет
на то, чтоб стреляли солдаты
за грозные тысячи лет,
за радужный век просвещения,
за в веке двадцатом подъём?
В нас те же живут прегрешенья.
Как жили мы, так и живём.

О ПРИСОЕДИНЕНИИ КРЫМА

У Крыма распахнуты крылья
и перья ласкает волна.
Он снова в объятьях России,
как сын после долгого сна.

Поедем в родимую Ялту!
Теперь не украинский – наш
под щебеты птичьего гвалта
нас встретит взволнованный пляж.

Мы к добрым заглянем знакомцам
(объятья чудны и тесны),
российского дома питомцам –
уже не чужой стороны.

А с ними до Нового Света
домчимся, чтоб вспомнить рассвет
российского южного лета
на целые тысячи лет.

У Крыма разомкнуты крылья
и время повёрнуто вспять.
Где Крым – там сегодня Россия,
там дружное братство опять.

Услышь же, князь милый, Потёмкин:
ничто не ушло, не прошло.
Над крымского берега кромкой
российское солнце взошло!

Владимир САВИНОВ
г. Псков

* * *

*Мы оттого росли с пристрастьем,
Что, став препоной тёмной силе,
Была не именем пространства,
А имя времени – Россия.
(Давид Самойлов)*

Да хватит стонать по России,
Она не лежала больна,
И кабы меня спросили,
Сказал бы: – Была война!
Да что там – была, – поныне
Идут затяжные бои,
Такие, что кровушка стынет
Ледком на краю полыньи.

Никак ей с войны не вернуться,
И песня Талькова верна:
Когда-нибудь люди проснутся
Увидеть, как сгинет война;
Мздоимцы когда и бандиты,
Предателей яростный рой,
Безжалостно стёрты и смыты,
Зачищены новой весной.

Но вновь, как когда-то за Бугом
В покровах из злобы и мглы,
Завистник, рядившийся другом,
Нам пятые строит углы.
Всё вытерпеть и не сломаться,
Когда темнота настаёт –
Российский завет: опираться
На Армию, Небо и Флот!

Не ждите победные сроки,
Укутавшись в плед с головой, –
Для этого пишутся строки,
Как выстрелы с передовой,
Поются для этого песни,
Такие, что хочется встать,
И голос срывается, если
Нам кто-то велит замолчать.

Не смолкнут отныне народы –
Сто разных родных языков –
Речные, озёрные воды,
Впитавшие звон ручейков.
Вот в этом – величье и сила,
И совесть, и гордость, и честь.
А времени Имя – Россия –
Нам вместе дано превознести!

ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Да при чём тут любые мечты,
Мы хотим просто жить, как люди,
Вот поэтому блокпосты
Заслонили наш город грудью.

Это наша от века земля,
Из неё наши предки зывают:
Бросить дом, отступив, нельзя,
Даже дети об этом знают.

Ездят зомби на броневиках,
Направляемы злобным зверем.
Мы увидим их гнусный прах,
Мы для лжи заколотим двери.

И когда, как один, поймём,
Для чего наши парни горели,
Всем Донбассом врага согнём
И добьёмся великой цели!

* * *

*Простите нас, родные россияне...
(Ирина Самарина)*

Иду я по тропинке меж цветов
И трав – среди всего благоухания,
Но не могу забыть я этих слов,
И грусть твою, и боль, и покаяние...

Ты знаешь ведь, нас Бог за всё простит,
Когда грехи спадут вослед молитве,

От сердца если к сердцу путь открыт
И кровь не пролита в неправой битве.

Ещё жарой не пышет время дня,
А в руки зачерпнуть могу росы я...
Предчувствовать мне страшно всплеск огня,
Что может вдруг поджечь мою Россию.

А перекинуть пламя – это цель
Мерзавцев, что под маской скрыли лица;
Толкнув однажды злую карусель,
Теперь ей не дают остановиться.

Здесь – аист из гнезда – упругий взмах! –
И восхищенье взлётом по спирали...
Там – сеют ложь и ненависть в умах,
Чтоб «на ножи!» безмозглые орали.

Мы видим, слышим это, и болят
Душа и сердце русского народа;
Народ Шевченко в том не виноват.
Но, говорят, в семье не без урода.

Ромашка, цвет любви, хотела мне
Открыть на лепестках секрет гаданья;
Но быть в Славянске иль не быть войне,
Гадать уж поздно – нет ей оправданья.

А в фосфорном угаре и в чаду –
Там о прощенье ль говорить нам речи?
Уж тысячи в Ростове-на-Дону:
Россия принимает, кормит, лечит.

Глянь, солнце поднялось, почти прогрело
Тропинку, луг... и недалёк мой дом.
«Простите нас», – сказать непросто, смело –
Оттуда, где неистовый содом...

Но верю я: ещё мы песню сложим,
Хоть для любви сегодня мир оглох.
Мы Украину разлюбить не можем –
Пока мы вместе, с нами вместе Бог!

МАЙДАН

У души нету глотки
для крика и даже для плача,
И не зажмуриться и
не закрыть от удара лица.
Если бы пуля сумела
в полете остановиться!
Или хотя бы смогла
пролететь немного иначе...

Горе. Огромное чёрное горе
над площадью распростёрто.
Болью чёрное небо с красной землёй
перемешано в кашу.
– Где тут наши? – Наши?
– Какие тут «наши», к черту!
И пусть мне кто-нибудь объяснит
кто такие «НЕ наши»?..

Ангелы Божьи сбились совсем
и с ног и с толку, бедняги,
Как им теперь сортировать вас
тут, у ворот небесных?
Что привело вас сюда, молодых,
агрессивных, неопытных, честных?
Жажда свободы? наживы? власти?
Обман? или верность присяге?

Встанете об руку, рядом, длинной шеренгой,
пугающе белой.
Горлом пойдёт осознание страшной,
непоправимой утраты!
Что же ты, мальчик, бросил вниз
своё распростёртое тело?
Тот, кто стрелял в тебя, будет теперь
твоим новым небесным братом...

Видишь, как ваши безумные матери
бьются над вами в истерике?
Жизнь их, бескровная, стала теперь
ещё иллюзорней, чем ваша.
Как их отчаянье цивилизованно
делят Европа с Америкой,
Не забывая при этом хором
скандировать «Russia, Russia»!

Горе всем тянущим на себя
это кровавое одеяло!
Мечущим карты, кидающим кости,
переставляющим фишки
И допускающим некоторые...
ну, в общем, издержки и излишки,
Во имя «общечеловеческих...»,
которые «во что бы то ни стало»!

Птица-война, распаяясь страданием,
требует новой дани.
Те, кто кормили её до отвала
вашиими душами, живы
И через колено ломают страну,
но, конечно, не ради наживы,
А ради свежеиспечённых свобод,
раздаваемых на Майдане!

Ночь горит на кострах
под сатанинский проплаченный гомон.
Горьким бархатом копоты
траурный саван её оторочен.
Кто тут против? Чей тут пропуск
к Господу Богу просрочен?
Жаль, что пуля всё-таки
не смогла пролететь по-другому...

У души нету глотки
для крика и даже для стога,
И не зажмуриться и
не закрыть от удара лица,
Что остаётся вам, мальчики,
здесь по небесным законам?
Только молиться...

НАМ ОТТЕПЕЛЬ ПРОРОЧИЛИ...

Нам оттепель пророчили синоптики убогие,
А посмотри, что делает за окнами метель!
Напрасно Каи каются, их Герды босоногие
Едва ль у марта выпросят обещанный апрель.
Не зацветут подснежники в глухих лесных протулочках,
И миллионструнная не зазвенит капель,
И о своей Снегурочке, красивой, хоть и дурочке,
Безвременно растаявшей, не будет плакать Лель.

Крепки мосты прозрачные, белы холсты безбрежные,
Посыпаны, как семечками, стайками ворон,
И королева Снежная, метельная, мятежная,
Ещё вполне уверенно удерживает трон,

Хоть час свой близкий чувствуя, бесчинствует и бесится –
В такую стужу лютую лишь ямщику заснуть,
А мы друг друга спрятали под яркой аркой месяца,
Где так легко и сладостно искать в себе весну.
И нам с тобой не холодно, и нам с тобой не боязно,
Мы сказку эту дивную читаем до конца.
Заварен чай, горит свеча, и в это время позднее
Рука в руке, душа в душе и губы у лица....

АПРЕЛЬ

Снег вытаивает ажурно,
И сугроб на свету хрустален.
Задремал на посту дежурный,
И весна проскользнула в Таллинн.
Осторожно, на мягких лапах,
Ничего по пути не сдвинув.
Тот же лёд в голубых витринах,
Всё как было, но запах!.. Запах,
Что не сразу-то и опишешь,
Но узнаешь легко при этом –
Запах свежей цветной афиши
О грядущих гастролях лета.
На денёк по пути из Италии
Посетит нас оно и покинет,
Но уже формируются талии
И заказываются бикини.
Вся страна раскупает билеты
В предвкушении антрепризы
И прощает зиме за это
И капризы её, и сюрпризы.
Все причины ворчать и злиться
Тёплый дождь без остатка смоем,
И уже расправляются лица,
Долгой скомканные зимою.
И весна уже чертит смелее
Тонким пальчиком ноты ноктюрна
На хрустальных сугробах аллеи.
Снег вытаивает ажурно...

В ПЛАЦКАРТНОМ ВАГОНЕ

«Скорый» ход набирает, время его пришло –
Измерять колёсами Среднюю полосу.
А моя попутчица – как же не повезло –
Говорливая тётка, жующая колбасу.

И она всё болтает, битком набивая рот...
Вот ведь, думаю, надо же – выдался мне «досуг»!
А она – про соседку, Путина, огород...
Начала о себе. Побежали мурашки вдруг.

И в глазах её шевельнулось на самом дне
То, что с детства задолблено: взялся – тяни свой гуж...
Её сын в девяносто пятом погиб в Чечне.
В девяносто девятом повесился спьяну муж.

Она, пот отирая со лба, говорит: «Жара».
Отхлебнув воды, улыбается: «Хорошо».
У неё умирает от рака в Москве сестра,
Она едет прощаться с последней родной душой.

Паренька жалеет: «Совсем еще не окреп.
Видно, мать измаялась, бедная, ждать сынка!» –
Спит в наушниках тощий дембель, сопя под рэп,
С верхней полки свисает жилистая рука.

Все затихло, уснуло, съёжилось, улеглось.
И вагон стучит колёсами и храпит.
Но метёт мозги бессонницы помело.
Сколько сорных мыслей...
какая из них пронзит,
прошибёт, проймёт до ядрышка, до нутра? –
«Я лишь пепел Европы, и здесь не моя страна»...
Как же сладко курится в тамбуре в пять утра!
За окном рябинно, розово. Тишина.

ДОРОЖНОЕ

...а за окном – берёзово. Шпалы – чересполосицей.
Небо играет красками щедро и нараспев.
Сумерки гонят с пастбища рыжее стадо осени.
Даль убегает в прошлое, выдохнуть не успев.

Только прикосновение, только намёк – не более...
Тянется-канителится времени волокно,
зыбится послесловием чеховской меланхолии...
Жёлтый зрачок прожектора высветил полотно.

Беглый этюд – плацкартное: рыжий трёхлетка с яблоком.
Ложка по подстаканнику бряцает бубенцом.
На незнакомой станции суетно, как на ярмарке.
Пахнет капустой квашеной, бочечным огурцом.

Можно дышать, как дышится... или парить, как движется.
Можно сказать, как выдохнуть – шелестом-ветерком.
Только вот слово «Родина», в общем-то, слишком книжное...
лучше бы – полушепотом, тающим сквозняком.

Бродят слова ненужные (вроде письма с оказией) –
то ли уже на подступе, то ли еще в пути...

– Вяленым рыбным Севером, спелой арбузной Азией,
мокрым хохлатым Питером
встреть меня, приюти...
и посмотри доверчиво... и обними по-дружески...
пусть себе паутинится медленной речи вязь.
Будь ты слегка подвыпившей, луковой и простуженной...
Знаешь, и пуповинная недолговечна связь.

Вижу – на шею времени кольца легли годичные.
Вижу, как из дорожного старого рюкзака
волком глядит предательство паспорта заграничного
с ужасом обречённости вечного чужака.

КРЕПКИЙ ОРЕХ

...только мама и ты. И весна на дворе.
Воздух детства, звенящий, как спелый арбуз.
Слово «Родина» – крепкое, точно орех, –
не распробуешь с первого раза на вкус.

...середина пути. И дождём осаждён
серый город, дрейфующий в талой воде.
Так бывает: годишься не там, где рождён...
а бывает... и вовсе не годен нигде.

...и трясёшься в вагоне – судьбе ли назло? –
Вот и дерево кроной глядит на восток.
Так подбитая птица встаёт на крыло,
безнадёжно ловя восходящий поток.

...а тебе говорят: «Так ведь это – твой дом!» –
ножевые слова – как удары серпа.
Слово – крепкий орех, да вот только потом...
от него остаётся одна скорлупа.

...и царапаешь душу в густой трын-траве.
Но с тобой пуповиной земли сплетены –
вместо матери – крест, вместо Родины – две
совершенно чужих бесприютных страны...

А ТЫ НЕ ЗВОНИ

А ты не звони и не эсэмэсь. Не надо.
Подсолнухов поле ночью звенит. Цикады.
У них перекличка, новых сверчков поверка.
Неспевшийся хор театра галер. «Галерка»
Попкормом хрустит и требует больше сока
Из клюквы развесистой, из любви – к Хичкоку.
А ты не звони и новопасситу выпей.
Мне внове теперь: оглохшие слышат выпей.
Они вместе с нами стонут на звук мобилы
В полях светлячков в кольце у Саур-могилы.
Любовь и вражда – не братья совсем, но сила.
Мутило и жгло, месило нас и косило.
И там посреди обугленных в чреве поля
Хранила любовь меня и вела по кольям.
И черти вели, и ангелы трижды звали,
Убитые мной, любовью твоей в подвале.
Теперь я немой, ничей, но любовь чужая
Ещё поторгует мной, мертвецов рожая.

ДВОЕ НА ПЕСКЕ

Когда вокруг война разматывает сети,
шагая по треске от злобного роста,
нахлынет ли волна, придут ли дождь и ветер,
есть двое на песке, есть двое из песка.

Идёт ловец, скользя по слизи в биомассе,
в конвульсиях треске оставив полглотка
свободы для раззяв, освобождая снасти
для тех, кто на песке, для тех, кто из песка.

Прописаны в сети, солгасные, беснуясь,
готовы и в садке убить врага садка.

Безумцев не спасти, сам в сети прёт безумец.
А двое – на песке. Нет сети для песка.

Они, она и он, сбережены мгновеньем,
обнявшись на песке скульптурой из песка.
Не писан им закон, и кровь не стынет в венах,
когда рука в руке, когда в руке рука.

КАЗАШКЕ

Говорят, нам не место в московской тщете-суете.
Ты в подлунной Орде родилась, я – у мира на крыше.
Дочь Великой степи, что мы здесь потеряли и ищем,
В этих джунглях бетонных, неласковых, в жирной черте

Кочевой неоседлости? Где наши сёдла с тобой?
Позабыты в Кыпчакской степи, где буран табунится,
Где примятый ковыль и купается в нём кобылица
И, волнуясь, дрожит и щекочет нас влажной губой.

Там ветра ворожат, и, сшибаясь, Тэнгри и Тобет
Вечный бой продолжают и маками степь осыпают.
Прожил век-волкодав, и разбухшая морда тупая
Отступила. Волчица со стаей пришла на обед.

Не спасти нам табун. Нам самим бы уйти от клыков.
В новый век 21-й врывается та же погоня,
Запах жертвы почуяв да бани кровавой, да бойни.
Век продажи, кинжальных щенков и зыбучих песков.

Но, однако, недолгим союзом с тобой я горжусь.
Разве в дни роковые Москву не спасали мы джузом?
Чтобы брови твои, нисходящие к точке союза,
Вовлекали Великие Луки в пленительный джуз.

Помнишь утро охоты? Пустили по следу борзых,
И летели два вихря в игре кыз-куу над снегами...
Я тебя на подъёме, на скифском настиг арс-кургане,
И едва не лишился меня мой согдийский язык.

Ты в февральской Москве подрумянила щёки слегка.
Мир опять изменён, перелистан и перелицован,
Но хотелось бы вновь оказаться под шубой песцовой,
Даже если опять я на время лишусь языка.

Я в трамвае за миг по снегам и векам пролетел...
И – свою остановку. Тебя же не выдал и мускул.
Мы могли бы с тобой рифмоваться на трепетном русском
И болтать и шутить о московской тщете-суете.

ПЕРЕВОДЫ

Хафиз Ширази
перевод с фарси

* * *

Знай, Юсуф в сады вернется в Ханаане, не горюй.
В скорби дом прольются трели, роз дыханье, не горюй.
Сердце, что познало горе, не казни, не будь жестоким.
Пусть избавится твой разум от терзаний, не горюй.
Вновь весна луга расстелет для тебя. На троне луга
Пой же в венчике из лилий, в час венчанья не горюй.
Если звёздный круг сегодня глух к трепещущим надеждам,
Переменчив он, догонит ожиданья, не горюй.
Не грусти, не падай духом, – ты не вхож в покров незримый.
До поры хранит награды полог тайны, не горюй.
Если тлен несущий ливень рушит бытия основы,
Сердце вверх ковчегу Ноя без метаний, не горюй.
Если же в песках вedom ты в хадже страстью по Каабе,
Будь шипами мугеляна ты изранен, не горюй.
Как бы ни был путь опасен, ну а цель недостижима,
Нет путей без окончаний, до прощанья не горюй.
Мне даны разлука с милой и назойливый хулитель.
Видит всё вершитель судеб, все старанья, не горюй.
Что ж, Хафиз, пока находишь в келье мрачными ночами
Утешение в молитве и Коране, не горюй.

Саади Ширази

О, караванщик, тише звон! То жизнь со мной прощается.
Вослед усладе сердце вон, – душа, постой! – прощается.
Оставлен, сир я и разут, ничем уже не дорожу.
Пронзаем жалом, что в грозу во мне с тобой прощается.
Лукавил я и делал вид, что весел, ветрен, деловит.
Но сокровенное кровит в проём дверной, прощается.
Эй, караванщик, мягче шаг! Там в паланкине спит душа.
Тут от любви к ней, не дыша, едва живой прощается.
Там ветер полами смущён, тут яд разлукой замещён.
Я растворён и разлучён, мой луч свечой прощается.
А если вспыхнешь предо мной, сгорю в блаженстве, сам не свой,
Сродни кадильнице, густой дым с головой прощается.
Но, милой гнёт приняв, к суду я равнодушен на беду.
В груди тебя ценя, в бреду язык с ценой прощается.
Вернись, предстань же наяву, – свою прелестницу зову.
Возванья в небеса плывут, мятеж с землёй прощается.
Ночами маюсь, ночь слова доносит, кругом голова.
Плетусь без цели, жив едва, а путь с уздой прощается.
Молил в слезах я: пусть верблюд устанет свой нести сосуд.
Но тщетен был мой тяжкий труд, что с пустотой прощается.
Живу мечтой о встрече с ней, не сплю ночей, не помню дней.
И будь что будет, мне видней, – ей нрав крутой прощается.
Я слышал много разных слов, как души покидают кров.
И сам вот вижу меж миров, как жизнь со мной прощается.
Оставь свой ропот, Саади! Рыдай и сам себя суди!
Терпеть не в силах. Боль, уйди! И, плача, боль прощается.

Омар Хайям перевод с фарси

* * *

Все, кто были до нас, кто пришёл им на смену,
След во след удалятся, колено к колену.
Этот мир никому ещё в руки не дался.
Кто пришёл, тот уйдёт за исходную цену.

ЯЗЫК

Не знаю, в какой Бухаре, под каким шатром
Читал мне пленённый урус о своих краях,
Но я с каждым новым днём утверждалась в том,
Что выучу тот язык, на любых паях!

Я слов не встречала в истоке ещё таких!
Я в губы смотрела: как двигаются уста,
А там из-под ровных зубов выдвигался стих –
Страницы побед отчизны своей листал!

Тогда я спросила, ощерив свой дикий нрав:
«Вот ты – полонён, и где же твои князья?!
Как можно без твёрдых гарантий и крепких прав
Любить... оставаться верным?! Ну так нельзя!..»

Когда же в моей гортани иссякла дрожь,
Он за руки взял меня, как подвёл к черте:
И там, за чертой, я в ладонях держала нож,
Которым отрезан язык тысячам чертей!

«СВЯТОГОР»

Под доспехами витязя сердце – как вечный набат,
А в суровой колиске гулит светозарный младень... –
Я гляжу на Изборскую крепость какой год подряд,
Как иду по отпущенной в небо удельной гряде.

Возникают не образы, тон задаёт не фольклор,
Не обрядовых песен и игр замыкается круг...
Просто сколько ни будь этих встреч, столько будет мотор
Моего «москвича» затихать, перестроившись в слух! –

Машинёшка моя «Святогор» – тех же древних кровей –
Разумеет: в священном приделе не смея вздохнуть...

Мне бы так!.. – Я иду по намеченной кромке бровей
Этих сложенных троп в мой как будто бы сложенный путь.

Я ещё не совсем, не всерьёз перестроилась в ряд...
Там, где можно туристу, я смело ступаю – а то!
Но ещё есть на тонкой гряде – городище... есть град –
А какой он: железный, небесный – не знает никто!

Под доспехами витязя сердце – как вечный мотор,
Что раз двадцать уже перебрали, не смея в утиль...
И заводит его и ведёт для меня «Святогор»,
Чтобы я – перестроилась и не посмела сойти!..

СОСНЫ

Я пробуду в лесу всю ночь...
Покосившаяся изба...
И не лиственные обочь...
И едва ли уже издать...

Возвышаются и гудят,
Как на линии провода, –
Ветры вечные проредят
Их – осанистых – без труда:

С высоты окаянной всё ж
Неминуемой ждать беды –
Стоеросово, ни за грош
Обрываются с высоты...

Виснут, хрупко смыкая круг,
Между ломаной и кривой,
Но, цепляясь за сотни рук,
В ноги падают головой...

Я ищу им всю эту ночь –
Струнным – авторские права...
Пусть не лиственные обочь
Близ избы моей дерева!

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Это надо найти собеседника.
И в печи развести огонь.
И вдавить мокрым краем передника
Жаркий чайник за ручку в ладонь!

И все опыты литературные
Позабыв в тот же самый миг,
Междометьями в скобки фигурные
Поместить под немой язык!

Но как рана под пеной скроется,
Пантенолу в себя вобрав,
Проплывёт между нами горница
Ароматом душистых трав...

И ты – мне, я – тебе на краешек
Золочёного блюда лить!
Где мы были с тобою раньше, а?..
Где могли мы с тобою быть?!

РОДНАЯ РЕЧЬ

Остаётся уплыть по стеклу
Мартовскими дождями,
Просочиться в кору и в ветлу –
В самое, что – с корнями.

Замереть на единый миг
И неистово заапрелить
И в родной русский язык
Так поверить!

И идти к солнцу, к лучу
По разбуженным сучьям.
И дышать почками чувств
На простом, но могучем!

* * *

Там, за окном, который вечер
зима простуженная воеет.
Она однажды успокоит
планету броуновским смерчем.
Но до тех пор – мерцай, лампада,
в кольце танцующего ада,
живи, мой разум, спи, мой голос,
пока совсем не раскололась
мечта, зовущаяся явью,
которую я озаглавлю
каким-нибудь одним глаголом
сродни дыханию Эола.

Один вопрос меня тревожит
в такие дни: как много веры
отпущено на каждый серый
ненастный день? Когда не можешь
не то что чувствовать – подняться
из-за стола с извечным глянцем.
И плакать. Плакать, как ребёнок.
Так, будто мир и вправду тонок.
И в мире торжествует тайна.
И тайна вечна и хрустальна.
И вечность веет светом новым.
И в хрустале сокрыто слово.

Там, за окном, который вечер
одна и та же стынет вечность,
одна и та же правда смята,
одно и то же слово свято.
И вижу я за кромкой круга,
как мы с тобою ждём друг друга,
ещё невинные, как дети.
Но всё сильнее дует ветер...

КУСТ

Смолчи в ответ, и я скажу, кто ты,
каких богов оплакиваешь тайно.
Кто знает, что придёт из пустоты.
Я тоже не был полным изначально.

Я куст, моя история проста,
наивны сны мои, мечты убоги,
а ты поэт, решивший у куста
передохнуть от суетной дороги.

Что показать тебе, властитель дум? –
ты землю обошёл и видел лица, –
быть может, ту далёкую звезду,
что вскоре не замедлит появиться?

Я жду безмолвно окончанья дня,
все дни – однообразное мученье.
Одна отрада в жизни у меня –
ловить и отражать её свечение.

Я ту звезду хочу запечатлеть
в своих листах, подобно вам, поэтам.
И каждой ночью, чтобы не сгореть,
срываю лист с запечатлённым светом.

Смотри, как много их у ног твоих:
живых историй, жёлто-звёздных истин...
Одной звезды не хватит на двоих,
но одному не польхать двух жизней.

Я не встречал поэтов много лет
во глубине тенистого покрова.
Смотри, я тоже, в сущности, поэт,
хоть за всю жизнь не произнёс ни слова.

И если ты упавшие листы
переведёшь в затейливые знаки
(кто знает, что придёт из пустоты),
моя звезда появится во мраке.

Взошла звезда. Других не стало звёзд.
Поэт глядел в распахнутое лето.
И, уходя, негромко произнёс:
«Я – куст, безмолвный собиратель света...»

КРУГИ НА ВОДЕ

Что ты чувствуешь в ворохе нас захлестнувшего ветра?
На пороге весны, что ты ждёшь от холодных ночей?
Оглянись на меня, безголосого недопозта,
накопившего тьму никому непонятных вещей.

Посмотри на меня, удержи беспокойное око,
может быть, ты увидишь, как некогда я разглядел,
что венец целомудрия и вероломство порока –
лишь круги на воде, дождевые круги на воде.

Для кого-то течение дней – нераскрытая книга,
но я видел листавших её, как полуночный страх.
Что ты чувствуешь на острие уходящего мига?
Что ты видишь в его немигающих синих глазах?

Назовёшь ли меня безрассудным солдатом бумажным,
что ушёл на войну никому не известных идей, –
и тебе это скоро, быть может, покажется важным,
как круги на воде, дождевые круги на воде.

Я оставил тебя, как мечту оставляют в полёте,
чтобы спеть напоследок о новом неведомом дне.
Что ты делаешь в этом стремительном водовороте?
Что ты ищешь без права на вдох на безжизненном дне?

И когда ты плыла, негасимой свечою пылая,
я тебя не сберёг от холодного взгляда людей.
Оглянись на меня! Оглянись, по пути оставляя
лишь круги на воде, дождевые круги на воде...

* * *

Не спеши хоронить то, что дорого,
Похоронишь – и будет беда.
Да не слушай шипящего врага,
Что, мол, сгинула Русь навсегда.

И пускай наши братья поверили,
Что проигран решающий бой,
Нас с тобою иной мерой мерили,
Потому мы и живы с тобой!

Гнётся Русь, словно тонкое деревце,
Ветви, листья ломает война.
Трудно верить, а всё-таки верится:
Коли будет корнями сильна –

Не согнётся, не сгинет под тучами,
Не падёт перед врагом ниц,
Распрямит свою крону могучую
От Москвы и до крайних границ!..

Ох, ругают меня братья родные,
Будто песни пою средь чумы,
А во мне живёт вера природная
В окончание времени тьмы!

Говорят: наша Родина бедная
Не воскреснет, и выхода нет.
А во мне живёт вера победная
В очистительный русский Рассвет!

Не спеши хоронить то, что дорого,
Сгинет мрак, не оставив следа.
Под пятою проклятого врага
Не сломается Русь никогда!

СЛИШКОМ ДЫМНО ВОКРУГ

Тьма приходит извне и в полон берёт души,
Затмевая всем очи густой пеленой.
Морок ложных вестей голос разума душит,
И безудержный страх накрывает волной.

И покуда одни в тщетных спорах сгорают,
А другие молчат, отвернув мутный взор,
Нам Весна рушники вышивает по краю
Алой кровью. Чтоб ярче смотрелся узор.

Слишком дымно вокруг. Не найти путь-дороги,
Не к добру мы за пиром рассыпали соль.
Бьются в адском чаду меж собой люди-боги.
А рассеется дым, и останется боль.

И останется стыд. И солёные слёзы –
Всем, кто бился, кто просто стоял в стороне.
И не смоют тоски даже майские грозы,
Что всегда нам поют о минувшей войне.

Не сдавали своих, друг за друга держались
И сейчас не отступим, крути не крути.
Только прежде всегда мы за Правду сражались,
Ну а нынче Её – днём с огнём не найти.

ОСЕНЬ В ИЗБОРСКЕ

|

Серебряным звоном овеена даль,
Звенят, не смолкают ключи.
Смывая с души вековую печаль,
Они, как огонь, горячи.

Засыпан листвою багряною двор.
В закатный, торжественный час
Мне кажется, сам яроокий Трувор
Глядит с Городища на нас.

Под башней пылает рябинный пожар,
Спускается тёмная ночь,
И крепость осенних пленительных чар
Не в силах уже превозмочь.

А лебедь плывёт по озёрной воде,
Прекрасный во все времена.
И видишь – ожившая сказка везде,
Во всём говорит старина.

II

Я вспомню тебя у Словенских ключей,
Где круглые дни напролёт
Волшебные воды звенящий ручей
В озёрную чашу несёт.

Здесь звёзды так низко, и ночь так нежна,
И шепчут ветра о любви.
Здесь ходит по берегу Осень-княжна
И слушает песни твои.

А я до утра ворожу у воды
И радуюсь сказке ночной,
Пока не пройдут золотые следы
Даждьбога по глади речной.

Рассветные очи лучатся добром.
Тебе сквозь простор синевы
Привет посылаю воды серебром
И златом осенней листвы.

ВАЛЮШКА...

(из цикла «Узникам Саласпилса»)

Морозно. в бараке не топят, никак не согреться.
свернулась калачиком, пяточки грею руками...
Сейчас бы прижаться под тёплое крылышко к маме
и слушать, как гулко стучит в тишине её сердце.
...От холода снова всю ночь будут плакать младенцы.

А рядышком тихо лежит и не плачет Валюшка –
сестрёнка... я ей смастерила конфету... из хлеба...
Опилковый хлеб... вот бы нам прогуляться по небу
и каши молочной из облака вдоволь покушать.
...Ты мякиш не жуй, а держи за щекой,
старших слушай!

Сестрёнку пытаюсь согреть и почти засыпаю,
игрушку бы сделать ей завтра – кораблик бумажный,
но... Валя не дышит... а глазки открыты...

Так страшно!

Здесь каждую ночь умирают... Валюшка, родная!
...Что с мамочкой будет, когда про сестрёнку узнает?!

Дорога в медчасть. Лай истошный овчарок вдогонку.
Бредут саласпилские узники – доноры-дети...
Виновные позже за каждого Богу ответят,
вот только бы эту беду не забыли потомки!
...Как сердце Валюшки, сегодня стучит метроном¹ нам:
– Так... Так... Так... Так... Так...

¹ На территории мемориального комплекса памяти «Саласпилс» установлен метроном, отбивающий ритм сердца. Концлагерь Саласпилс был расположен в 18 км от Риги. (Прим. автора.)

ОСОЗНАНИЕ

Переплетая мысли с чувствами во времени
во всём, мной прожитом, пытаюсь разобраться,
год календарный рву на дни без сожаления,
труды – достойные кривляния паяца.

А жизнь мелькает, как витрины магазинные,
в них отражаясь, растворяюсь в синем небе
и в тёмном масле на холстах картин старинных
при освещении неправильном, а мне бы

хоть на мгновение побыть ведомой кистью и
в руке Творца, Мир созидającego словом,
за всё несправедное получив амнистию,
стать малым зёрнышком, что прорастает в колос.

10 ФЕВРАЛЯ 1837 ГОДА

*Светлой памяти
Александра Сергеевича Пушкина...*

Свет разливало на город с небес солнце молочное,
пульс угасал, но играл полонез жилкой височною,
болью сковав, не оставила сил пуля Дантесова.
– Поворотите на бок, – попросил, – немощь телесную.

А вдоль Дворцовой, до Мойки, толпа в шубах и валенках
За Александра молила Христа: «Господи, сжалился б!»
Рук побелевших не видели и... верили в лучшее.
...Ангел присел на огарок свечи пламенным лучиком,

и к огоньку потянулась душа, Богом отмечена.
– Кончена жизнь! – произнес не спеша...
Знал ли, что вечен он?!

* * *

Безумный мастер по ночам не спит.
Он болен, беден, скорбен головою.
Он год за годом создаёт живое,
Которое толпу не рассмешит.
Безумный мастер тонет в голосах.
Но он твердит, что это шёпот бога,
Когда на человечесий, понемногу,
Нам переводит то, что слышит сам.
И плач, и смех, и свет его ушёл,
Он ищет тень по имени Мария...
Ему врачи твердят – шизофрения
И назначают галоперидол.
Так было, есть, и так же будет впредь,
И все рецепты мог бы перебрать я –
Сейчас аминазин, тогда распытье,
Сейчас запой, тогда костёр и плеть.
Славянский ли, фарси или иврит –
Язык не важен для таких вопросов, –
Толпа всегда как стая альбиносов,
Что чёрную ворону не простит...
И тень плывёт над головой моей,
И тает тень над головами прочих...
Безумный мастер не меняет почерк –
На то и мастер, что ему видней.

ВРУТ СОСЕДИ, КОШКИ И СНЕГИРИ...

Врут соседи, кошки и снегири –
Обитатели этих мест,
Что отсюда, из семени, изнутри
Ты дотянешься до небес.
Ну а ты дотянешься, спору нет,
Даже если не позовут.

Ты ведь соль отечества, звёздный свет,
В честь тебя назовут траву.
И трава укроет тебя всего –
Зло твоё и твоё добро,
Только знаешь ли, сколько таких легло
Под сплошной травяной покров?
А звезда поблекнет – поди сыщи –
Под потёками серебра.
Ты ещё не слышал? – она кричит –
Та, что создана из ребра.
Ты ещё не слышал? – она зовёт
Всех, кто сможет её понять...
Да и как ты мог не узнать её?
Нет, не родина – просто мать...

ИЗ ОКНА ХОСПИСА (из цикла «Записки врача»)

Я смотрю, как девочка танцует
(Взмах руки – как будто взмах крылом),
Жизнь свою, короткую такую,
Рассказав в движении одном.

Я замёрз, а ей от танца жарко.
Я влачусь, а ей легко кружить.
На неё с улыбкой смотрит парка,
Позабыв мою разрезать нить.

Ах, как эта девочка танцует!
Как беспечен смех в её руках!
Для неё мелодию простую
Выдувает ветер в облаках...

В немоте морфийной закричу я,
Упаду без силы на кровать...
Потому, что девочка танцует...
Потому, что время умирать...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(из цикла «Слово о Книге»)

Нектар, карамель, молоко или мёд –
Всё будет. Обильно и неотвратимо.
И тысячи лет, я клянусь, не пройдёт
От гибели Рима...

И тысячи лет, я клянусь, не пройдёт,
Но кто-то умрёт перед запертой дверью,
Не зная, что дверь никуда не ведёт...
В безверье... В безверье...

Я знаю, она никуда не ведёт,
Но глупость людская – как жадность людская.
Нектар, карамель, молоко или мёд –
Узнаешь за краем...

Нектар, карамель, молоко или мёд –
Всё будет. Всё будет. И неотвратимо.
И тысячи лет, я клянусь, не пройдёт
От гибели Рима.

Четвёртого Рима...

Но полно! Сплетая слова, как канву –
Узлы и узоры... узлы и узоры, –
Я с целью живу и без цели живу,
От плача до спора...

Но я расплету и канву, и слова,
Ведь ровная нить – это чистое слово.
И может быть... Может быть, книга права?
Я выясню...
Скоро...

Татьяна ГОРЕЛИКОВА
г. Псков

* * *

Высокий берег, глубока вода,
Как кружева кругом ложатся тени.
Берёзы моют ноги у пруда,
Подставив солнцу белые колени.

К воде сбегают стаей стебельки
Испить глоток серебряной водицы.
И первые над лугом мотыльки,
И по кустам пернатые певички.

Куда ни глянь – такая благодать,
А в томной тишине такая сила,
Что хочется от радости рыдать
У ног твоих, любимая Россия.

* * *

Деревенька – русская душа,
Разбежались избы по пригорку.
Свежий ветер, трепетно дыша,
Посещает низкую каморку.

Как хозяин, старый, дряхлый пёс
Важно мерит улицу пустую.
Край родимый беззаботных грёз,
Без тебя отчаянно тоскую.

В белой пене вишни у плетня,
В этой пене спрятались листочки.
Край родной, ты, может, ждёшь меня.
Будешь рад мне, как любимой дочке.

* * *

Душа не оставит меня умирать.
Она бережёт моё грешное тело.
Слова, будто птахи, слетают в тетрадь
И строчками песен ложатся несмело.

С годами моя не стареет душа.
Она не вбирает лихую проказу.
Пусть годы мои, словно кони, спешат –
Душа на пути не споткнётся ни разу.

* * *

Теплится лампада,
На дворе темно.
Замело ограду,
Поле замело.

Старенькая няня
Трогает кудель.
Полночь, но не манит,
Старую, постель.

Завывает вьюга,
Стелется холстом.
Набивает тугу
Гору под окном,

Во светце лучина
Тонкая чадит.
Горькая кручина
Душу бередит.

Не слышать полозьев,
Не слышать копыт.
Только месяц косо
Из-за туч глядит.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

В тайниках одинокой души,
В подземельях, где бродят сомненья,
Затаилось в могильной тиши
Незнакомое миру творенье.

Глубоко под заклатьем и тьмой
Почивает оно в чёрной бездне:
Заколдован проход ворожбой,
А где ныне колдун – неизвестно.

Говорят, будто клад непростой,
Разбудить лишь охотников нету.
Вот и выпал душе жребий злой:
Сохранять в себе капельку Света.

СЛОВО ДЛЯ ДУШИ

Ты, мой друг, отчаялся.
Чаял... да отчаялся.
И вот-вот сломаешься,
будто старый клён.
По свету скитаешься,
не живёшь, а маешься,
не живёшь, а маешься –
тёплый ищешь дом.

А дорога кончилась.
Под ногами кончилась.
Впереди до солнышка
колкая стерня.
Ноги сбиты вёрстами.
За спиной погосты... и
жизнь, увы, до донышка
выпита твоя.

Выпита и пропита
в результате опыта
и перезаложена
с «рваную» душой.
Как душа излечится
без тепла Отечества,
коль не припадёшь к нему
буйной головой?

Да, мой друг, отчаялись,
многие отчаялись!
И вот-вот сломаются,
сколько ни тужи.
И они все маялись,
перед Богом каялись
и просили у Него
Слово для души...
Как и ты, все маялись,
перед Богом каялись
и просили у Него
Слово для души!

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

«Ищи, – говорят, – одиночества
в набитых людьми городах»,
а мне ж покой обрести хочется
в бескрайних российских полях.

Омыться студёною хочется
водой из святого ключа –
возможно, тогда мне откроется
вся сущность библейских Начал.

Познаю предел одиночества
скитальцев путями Христа,
несущих сквозь время пророчества
в котомках с частицей креста...

ЗДЕСЬ ИЗРЫГАЛИ ЗАРЕВО ОГНИ

Мы часто говорим о городах,
Об их достоинстве, величии и мощи,
Но забываем говорить о тех местах
Руси моей, где люд живёт всех проще.

О Выбутах, друзья мои, скажу:
Здесь воды точат камень-известняк,
Курганы на полях мать-старину
Хранят ковчегом, сокровенный прах.

Здесь изрыгали зарево огни
Костров, неся известие твердыне,
Что будут в Пскове в считанные дни
Левоны, половцы или враги другие.

Неделями враг рушил частокол
И сокрушался перед псковским людом.
Бывало, мёрз в реке и волей волн
Не пировал, а была смерть их блюдом.

Стояли насмерть стражники Руси
В предместье града Пскова изначально.
В доспехах бились лучшие стрельцы
Из-за укрытий, ловко и отчаянно.

Но время вспять вернуть уже нельзя,
Курганы заросли, где высились засады,
Там раньше верховодили князья,
Чтоб в бой идти, грома врагов отряды.

Иван ИВАНОВ
г. Псков

РОДИВШИМСЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Мы память генную войны
Несём в себе не как награду –
Как тяжкий груз, который надо
Однажды сбросить со спины.

Но ведь не сбросить... В глубине,
На тёмном фоне подсознания,
Мученьями отцов израненные,
Мы на войне как на войне.

Физически нам повезло,
Мы не стреляли в нам подобных.
Но и не сделались свободными,
И нас преследовало зло,

Которое переносить
Мы не умели равнодушно.
Мы были слишком непослушными.
Не унижаться, не просить.

Вино мы начинали пить,
Глушить и горести, и беды.
Но, как отцам, нам до Победы
Не всем сподобилось дожить.

ПОСЛЕДНИЙ ГАРМОНИСТ

*Что ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ты девушкам спать не даёшь.*
(Михаил Исаковский)

«Плачь же, гармоника, плачь, моя частая»...
Горю-беде не помочь.
Всё оттого, что судьбина несчастная –
Словно осенняя ночь.

Вон за околицей пусто и холодно,
Ветер беснуется всласть.
Честь деревенскую, видимо, смолоду
Выкрала хитрая власть.

Все застарели, певцы и плясуньи,
Танцы забыты давно.
В поздние, стылые, робкие сумерки
Смотрит глазницей окно.

Рядом коровник без крыши. Разграбленный.
Некому стены стеречь.
Стон, или скрип, или плач чей-то сдавленный,
Контур опущенных плеч.

Кто-то в потёмках пройдёт, остановится
Возле седого плетня:
«Здравствуй, Васильевна, как те здоровится,
Аль не признала меня?

Некуда деться с гармошкой мне, бедному.
Вот и хожу по дворам.
Ваша деревня, наверно, последняя.
К хате прибиться пора».

Стукнет в окно он условными стуками –
Только ни звука в ответ.
Жила тут Васильевна с дочками, внуками –
Был гармонисту привет.

А на Казанскую радостно нёбушку,
Всё рассиялось от звёзд...
Марию Васильевну, горькую вдовушку,
Принял соседний погост.

«Плачь же, гармоника, плачь, моя частая.
Мыкать мне горе-беду.
Где же теперь я последнее счастье
В долгих скитаньях найду?»

НА ВЕРЕТЬЕЙ ГОРЕ

На Веретьей горе тишина.
Всё заброшено, всё позабыто.
Позабыла Веретью страна,
И на склонах не сеется жито.

И на склонах не косят траву
И малину не собирают.
Деревенька на самом юру
Без догляда в тоске умирает.

Далеко разлетелись сыны,
И торгуют «ненашенским» дочки.
А деревня, как после войны,
Докатилась в разоре до точки.

Плачь, душа, но не жить не моги
И в соблазн не отдайся вовеки.
Ни себе, ни народу не лги,
Что нет сил для житья в человеке.

Вот забраться б на самый «крутик»
И оттуда, мальчишкой, вприпрыжку...
На Веретьей я мудрость постиг,
Что добра не бывает излишку.

Здесь... Среди буреломного зла
Доброты притаились частицы...
На Веретьей ольха зацвела,
И летят на гнездовия птицы.

ИСПАНИЯ

Да, не привыкнуть к потерям и опозданиям,
Ведь опасно к чему-нибудь и привыкать.
Кто, не ты ли на днях заметила, что Испания –
Не та страна, куда приволакивает меня река.

Кто-то очень похожий, не я, но такой же,
Древним грекам гадают, с атлантами в Мемфисе пил.
Но я чувствую телом, одеждой и кожей,
Как съезжает, слетает, облизит
крыша с несвойственных ей стропил.

Вот когда я привыкну, а всё-таки это будет –
Ни в размер, ни в секунду, навскидку,
поймалось и, надо ж, пришлось,
Расскажи, как сумеешь, навстречу Иуде и Будде;
Промолчи, как сумеешь, узнав, что навстречу – Христос.

И меня расстреляют, надеюсь, что всё же прилюдно,
И меня растерзают, надеюсь, узнаю, за что.
Так и было. Так есть. И в газете читаю об этом: так будет
С дураками, ведомыми вслед за мечтой.

* * *

...И закат не заметили, ибо
Тучи небо закатное застыт.
«Ну куда ты толкал эту глыбу?
Ты подумай немного.
И сдайся».

Наплевать и на убыль и прибыль,
На расчёт полупризрачных шансов.
Что бы ни было,
Где бы ты ни был –
Никогда не сдавайся!

Тянешь, словно упрямую рыбу!
Вот идёт человек, и он – счастлив.
И сосед твой подумал и выбрал.

Он подумал немного.
И...
Сдался.

Ещё шаг, и откатится глыба
И раздавит усталые пальцы.
Что бы ни было...
Где бы ты ни был...
Никогда не сдавайся.

* * *

*...Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу.
(Иеромонах Роман)*

Бог не вернул ума и чувств:
Господь не шлёт, и день не тот.
Найди себя под небом – пусто?
Заря крестила небосвод.

Отсчёт секунд казался точным,
Ведь до Адама – миллион
Имён, фамилий или отчеств,
Пророчеств, что родится Он.

И не хватает нам немного
На той земле полупустой.
Толпа, рванувшаяся к Богу,
Так и останется толпой.

Ты попадаешь в чисто поле
Сквозь тернии и пустоту,
И, будь на то Господня воля,
Останешься надолго тут.

Не избежишь скорбей и плача,
Утрат, рождённых из надежд.
А если жив ещё, то, значит,
Ты что-то должен был, но где ж

Лежит тропиночка к порогу?
Пройдя болото, степь пройди!
И если обратишься к Богу,
То и придёшь к Нему – один.

**ВЫСОЦКОМУ, ПУШКИНУ...
И МНОГИМ ДРУГИМ ПОЭТАМ**

Несутся
бешеные кони,
как наваждение
и расплата:
и не спастись
ни от погони,
ни от последнего
заката.

Под звон,
под цокот
и смятенье
и ныне,
присно,
и вовеки
спешат
и годы,
и мгновенья,
уходят
люди-человеки,
срываясь,
будто бы с обрыва,
в урочный час
без опоздания,
и нет конца,
и нет разрыва
в законе вечном
мироздания...

Мелькают кони,
жизнь несётся,
врываясь в звёзды
как комета,

и только СЛОВО
остаётся
в устах
ВЕЛИКОГО
ПОЭТА!

В МИХАЙЛОВСКОМ

Свеча горела,
он писал
и на полях
рукой небрежной
чертил
знакомый профиль
нежный
и чью-то ножку
рисовал.
О, вдохновенье!
О, полёт!
Душа парит,
и вдруг случайно
соприкоснётся
с звёздной тайной,
и лира дивно
воспоёт!

– Я помню
чудное мгновенье... –
самозабвенно
пишет он,
охвачен
радостным волненьем,
в воспоминанья
погружен,
и рифмой
чтобы пересилить
изгнанья чёрную черту,
вместить любовь,
и красоту,
и шелест трав,
и воздух синий,
и две берёзки на горе,

и предсказание
кукушки,
и чёрный локон
на подушке,
и поцелуи на заре!

Свеча горит,
горит звезда,
и одинока,
и туманна...
Взлёт лебединого пера
и он напишет имя –
Анна!

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Белый дым сигаретных речей
Над овальным столом расстился,
И над чем-то гортанно смеялся
Женский лик среди ярких свечей.

Фраки, кольца, роскошный плюмаж
В суете гостевых пересудов:
«Ах, да что вы, дружище Нехлюдов?!
Я спешу. Меня ждёт экипаж...»

Над Россией серебряный век
Разливался туманами Блока,
В эти дни умирала эпоха
И рождался иной человек.

Неожиданный пушечный залп
Оборвал все наивные грёзы.
«Ах, мадам, эти алые розы
Я не смог подарить...
Опоздал...»

ТРИПТИХ

Катастрофа

И был хлопок, и был удар,
Потом еще... И стало страшно.
И ты вдруг понял – жизнь есть дар,
А остальное всё неважно.

И наступила тишина,
Точнее, спрессовалось время,
И ты подумал, вот она,
Косая... Сам себе не веря,

Вдохнуть решился, в этот миг
Взорвалось время, кровь застыла
И душу леденящий крик
Раздался, уши заложило...

Вокруг зашевелилась ночь.
Живые есть? – кричали возле...
Сознание уплывало прочь,
Делилась жизнь на до и после...

Свобода

Я решил, что можно просто расправить плечи
И получить, как дань, завоёванную свободу.
А потом пережить все банкеты, букеты, речи,
Дальше жить и плевать на новости и погоду.

Я решил, что можно шире расставить крылья
И потом парить, озирая свои просторы,
И дышать не смогом, не дымом с пылью,
На ночлег выбирать долины, поля и горы.

Я забыл, забавляясь звоном хрустальной льдинки,
Что свобода стекла – разбиться, а дерева – стать золою,
А моя свобода – идея, фикция, лажа, дымка.
Я её обрету, лишь обнявшись навек с землею.

Снилось мне

Снилось мне на прощание слово ЛЮБЛЮ
И прощальный салют моему кораблю,
И печально летели со мной журавли:
Ты, приятель, не создан для этой земли.

Я ненужные мысли напрасно гоню,
Мой вневременный дом подвергаю огню,
Только огненный знак проступает вдали,
Ты, приятель, не создан для этой земли.

Просыпаюсь от шума на доли секунд,
Пред глазами рассыпаны тысячи лун,
И мгновенно они затмеваются мглой.
Я сливаюсь с любимой твёрдой землей.

Наталья ЛАВРЕЦОВА
Пушкинские Горы Псковской обл.

* * *

*Памяти псковского телеоператора Валентина Януса,
погибшего в Чеченской кампании*

Мне знакомо лицо его, в каске, с глазами гражданскими.
Что детское в них, что-то неуловимо цыганское.
Их дорога гнала плетью воздуха тысячелетнего
И сгорела до тла, раскрутившись до кадра последнего.

Как, скажи ты, сумел, в это пекло – из мирного города,
От церквей, колоколен, всего, что любимо и дорого?
В мир, где вправду стреляют и даже разбора не делают, –
Кто ты: Бог ли ты Янус, а может, рискнул своим телом ты,

Чтоб другие тела сохранить для любимейшей Родины,
Чтоб кому-то цвели еще пыльные гроздья смородины.

Да, конечно, мы все застрахованы, мы – застрахованы!
Словно ангелом ясным в младенчестве мы поцелованы.
Но стреляют и в нас, как в мишень, и мы падаем замертво.
Да, такие живые насквозь – и, пожалуйста, замертво!

Сколько красного будет в полях – мы поклонники красного.
Но земля – уже просто земля, а не Крым и не Запсковье.
И уже всё равно там, какие туманы над Соротью, –
Ведь осколком одним те туманы все начисто сколоты.

Это ж надо – вот так, на лету, своё время отсвистывать.
«Он убил меня» – так ты сказал... Он – смутил тебя выстрелом!
Он поймал твою плоть, но не знал он двуликого Януса,
Бога входов и выходов, Бога весёлого градуса.
Бога солнца, дающего каждому свет исцеляющий, –
Он не смог одолеть. Оттого ты глядишь так сияющее!

Оттого и любовь и надежда в глазах, а не чёрное марево...
А мы падаем рядом живые. Мы падаем замертво.

* * *

На Руси когда-то без причины
С чьей-то лёгкой повелось руки,
Самых дельных, терпеливых, сильных
Называть простецки – мужики!

Он, мужик, – он может дом построить,
Если надо – первым примет бой,
Он, мужик, не только в поле воин,
Если уж с тобой – то он с тобой!

Никогда с ним не бывает скучно,
К политесам разным не привык,
Говорим, взирая равнодушно:
«Что же взять с него – ведь он мужик!»

То порою спорят без причины,
Пьют вино, но, позабыв про страх,
Мужики по имени – мужчины
Очень тихо падают в полях.

Тост подыдем – за таких красивых,
За простых, за наших мужиков,
На которых держится – Россия.
На которых держится – Любовь!

* * *

Неужели мужчин так прельщает война?
Может, им любовь женщин уже не нужна?
Может, падая навзничь в чужой стороне,
Слаще пули хмельной поцелуй на войне?

А быть может – не могут они устоять,
Когда дети уходят всерьёз – воевать.
Убивать, умирать – на чужой стороне,
Что страшнее вдвойне – на чужой стороне.

И идут они вслед, им, наверное, видней,
Для чего же растили они сыновей.
Там – их боль и надежда. И плоть их и кровь...
Может – в этом и есть их большая любовь?

Анна МЕЛИХОВА
п. Идрица Псковской обл.

* * *

В чём истина скрывается от нас,
Может, в искреннем сиянье глаз
Иль в силуэтах, что рисует ветер,
На ровном полотне и в лунном свете...

Как прочитав намеки в пируэте,
Может, от любви кружит голова,
Как будто в ласковом сонете,
В мелодии, которой провинция жила...

Как наверстать те дни и ночи,
Которые прошли так просто,
...словно дважды два,
Покорно слышать только вздохи,
Так как в душе лишь пустота!

Писать, стирать и рвать листы...
Мы часто оступаемся, рисуя миражи,
Того, кого оставили мы позади...
И не интересуемся о том, что ждёт нас впереди!!!

И призывая свою душу
Забыть, простить и отпустить,
Больней всего исполнить чувства,
Оставить там и начать здесь...

* * *

Измерение нашего мира –
Загадка, ведь это каркас,
Что пишет все наши порывы
И в профиль, а может, анфас...
Рисует открытые меры,
Избавит от нелепых потерь,

А время, всё в прошлом слоняясь,
Не прочь поиграть вместе с тем,
Кто в будущем ищет ответы,
И смотрит он снова назад,
Поют небеса нам капли,
В глазах окунаясь у нас.
А кто-то всё ходит по свету,
Ища всё ответ на вопрос,
Зачем мы верим, поэты,
Что муза прекрасный наш сон...

* * *

Излагая мысли на листок,
От руки рисуя эти строки,
Почему поэт всё так же одинок
И ищет он ответы в рюмке...
А Пушкин тоже ведь писал:
«Выпьем с горя; где же кружка?»
Подтверждаю я слова! Почему ж так пусто?
У поэта на душе очень-очень грустно,
Мысли, путаясь в себе, в паутине чувства,
Словно муха в западне, вырваться непросто,
Всё зависит от судьбы, это всё так сложно,
Жить спокойно иль с искрою, мы решаем сами,
А поэт, что выбрал грани, он несёт морали.

* * *

Искать... найти...
Забывать... уйти...
Как близки эти выраженья,
Изогнутый сюжет судьбы,
По циклу... круговорот сомнений.
И всё же эти потрясения,
Начертанные стрелками часов,
В бреду покажутся виденьем, сном...
Кардиограмма нашей жизни,
Увы, не безупречна... ибо...
Ломаная линия критична
Лишь там, где одиночество одно.

ОСЕННИЙ ПЕРЕЗВОН

Тишина, сереет небо,
Моросит занудный дождь,
Мир вокруг – сплошная небыль,
Глаз в его не верит ложь.
Даже трактор не стрекочет,
Даже ветер не шумит,
Лишь динамик возле почты
Что-то тихо говорит.
Забурели в поле травы,
Словно веник, ближний лес...
Над предзимнею державой
Зародился благовест.
Звон рождается, как в муке,
В дымке холода паря,
Видно, очень мёрзнут руки
У бедняги звонаря.
Бухнет главный гулкий-гулкий,
Загудит из недр своих.
Раз, другой... бегут минутки,
Снова колокол затих.
Вот дуэтом пара малых
Тренькнет вместе, звякнет врозь,
А потом и вся орава
Заиграла. Разлилось
Благолепье, благозвучье,
Отступает сумрак-сон.
Как ручей сбегает с кручи,
Льёт хрустальный перезвон.
Хоть ты веришь, хоть не веришь,
Сей вопрос не вороша,
Ты не думай, в грешном теле,
Заликует пусть душа.
Пусть погода – непогода,
Времена – не времена.
Не мешай, дадут пусть всходы
Дивных звуков семена.

ПАТРИОТЫ

*Время действия – вторая половина XIX века.
Если отбросить антураж – ВСЕГДА!*

Высокие мысли,
Златое перо,
Сукно и коптящая лампа.
Вельможа в раздумье
Почешет бедро,
Монтеня достанет «со шкапа».
Лакей принесёт
Подогретый лафит,
В «очешне» очки роговые.
Поближе к теплу.
Что огонь там трещит
В камине о доле России?
Под самую крышей,
Где звёзды и тьма,
Куда только с чёрного хода
Забраться возможно,
Сидит у стола
Другой представитель народа.
Дорога известна,
Он пишет маршрут,
Как нам подниматься всё выше.
Проблема, что утром
С квартиры попрут...
.....
Друг друга они не услышат!

В ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ...

В гражданских войнах нет героев –
Есть только жертвы и святые.
Да стоит ли замена строя
Мук обесчещенной России?

В гражданских войнах нет злодеев...
Назначена цена для власти.
На жертвенный огонь идеи
Годится всё. Членя на части,

Как колуном чурбан еловый,
Семью, страну, друзей, святыни,
Кидают всё для эры новой.
Что стала идиолом отныне...

Героев нет. Дней нет, есть ночи,
И мучеников сколько хочешь.

РОЖЬ. ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ПАТРИОТИЗМЕ...

Снятся часто, снятся долго,
Снятся сразу, как заснёшь:
Сосны в поле и дорога,
Поспевающая рожь.

В детстве там ходили ножки
До начала сентября...
Видел вроде на обложке,
На шкатулке кустаря,
На вокзалах в рамах старых,
В переплётах толстых книг,
Гобеленом на базарах.
Вот запомнил и привык.
Что под южным жарким солнцем
Как заснёшь на лежаке
И когда душа трясётся,
Прикорнув в грузовике,

И когда завяз в сугробах...
Почему – и не поймёшь –
Снятся поле и дорога,
Поспевающая рожь.

Говорят, наивно это.
Ностальгией приболев,
На другом конце планеты
Надо думать о Кремле,

О вождях, об их тревоге,
О победах, о боях.
В крайнем случае, о Волге
И святых монастырях.
О космических ракетах,
Об учёных и врачах,
Об артистах и поэтах
И о доменных печах.

За престиж болеть немного
И во сне кричать: «Даёшь!»
Снятся ж поле и дорога,
Поспевающая рожь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сегодня, вчера и во все прошедшие времена...

Спи, малыш, здесь крепки своды,
Полумрак и тишь.
Где-то рядом дремлют гномы,
Их не разглядишь.

Кот пригрелся возле мамы,
Скинув сапоги...
Нас с тобой, родимый самый,
Не найдут враги.

Заколдованные пчёлы
Нас не поразят,
А ужасные драконы
И не залетят.

Наверху твой дед и папа
Защищают дом.
Станешь храбрым ты солдатом,
Но уже потом.

Здесь всегда совсем не шумно,
Здесь почти в тепле...
Засыпай, мой витязь юный,
Сила – в мирном сне.

Владимир ПАВЛОВ
г. Великие Луки

АЛЕКСАНДР МАТРОСОВ
защитникам России посвящается

*Но когда затворили гати туземцы,
Каждый из них умолк.
И диким ужасом исказились лица немцев,
Увидя страшный русский полк.
(Велимир Хлебников. «Смерть в озере»)*

Здесь по Ловати лукам летали варяги,
Ты – по крови – из этой бесстрашной ватаги.
В феврале 43-го, у деревни Чернушки,
Жизнь солдата ценилась не больше полушки.

И строчил пулемёт, не считая патроны,
И снежинки не таят на новых погонах.
Чтобы он замолчал, боевые ребята
Не жалели гранат и стволов автоматов.

Но врага не сломить. А великое дело –
Своим телом закрыть амбразуру с прицелом?
Телогрейка солдата пропитана кровью,
И глаза смотрят в небо сыновней любовью.

Много раз повторяют на российских просторах
Путь Героя, сияющий в ангельских взорах.
Поклонитесь, друзья, преклоните колени,
Вечно подвиг живёт в череде поколений...

ПОЭТЫ – ТОЖЕ ВВС...

гимн – молитва любви

*Кто они – участники последнего парада?
Простые ребята, которые раньше всех
Достигли неба.*

(Александр Сеницын. «ВВС»)

Поэты – тоже ВВС,
Они летают
И жизнь с лазоревых небес
Обозревают...

А пилотаж у них всегда
Простой и высший,
Им вроде матери звезда –
Та, что над крышей.

И, словно лётчики, они
За правду бьются,
И горько плачут журавли:
Домой вернуться?

И строчки-трассы пулемёт
Строчит в пространстве,
Парад великий настаёт
В их государстве.

В святых, летающих войсках,
Где любят точность,
Поэты, лётчики – крыл взмах,
Проверят прочность.

Поэты – тоже ВВС,
Они летают
И жизнь с лазоревых небес
Обозревают...

Игорь ПЛОХОВ
г. Псков

ГРОЗА В ГОРОДЕ

Гром сотрясает тучи,
стряхивая с них воду;
там, на небесной круче,
делается погода.

Ветер метелит листья,
птицам ерошит крылья;
дождь мостовые чистит
в городе-крокодиле.

Чудище в мокрой шляпе
лижет зонты и крыши;
город под влажной лапой
дышит...

* * *

Мгновенная фотография бытия –
это жизнь в пустом сосуде,
ухватившая хвост былого «я»,
мечтающая о том, что будет,
а разверни-ка её во времени –
получишь застывший образ,
в котором, даже без меня,
парящий в потоке волос
запечатлён навечно и недвижим,
и каждый, каждый голос
звучит в тиши...

* * *

Пусть совесть яростно клокочет –
нельзя создать из ада рай...
Отдай звезду тому, кто хочет,
тому, кто просит, не давай.

Ручьи не зарастают тиной –
стихи наивные не рви:
пророчество всегда невинно,
когда исходит от любви.

* * *

Чёрной ватой стелют ночи
 пять шагов по коридору.
Жизнь становится короче
 от пустого разговора.
Открываю дверь балкона:
 звёзды колются, а месяц –
молодой султан влюблённый –
 в облаках небесных лестниц
обнимает город светом.
 Озаряют мимолётно
вдохновением поэта
 неумелые полотна,
что художник с перекрёстка
 написал – и бросил кисть.
У мольберта – пепла горстка,
 так похожая на жизнь...

Вита ПШЕНИЧНАЯ
г. Псков

* * *

«Ты – моё чудо...» И ни слова в ответ.
Я не боюсь и миллионов «нет»,
Мне бы коснуться края седых небес,
Чтоб и они знали, что ты – есть...

Только касаюсь этих седых волос,
Бог во мне – трепетен и безголос...
В этой большой ладони – мои две.
Просто молчи и – ни слова в ответ...

* * *

Брожу из угла в угол в пустой квартире,
Руки на груди скрестив.
Я же тебя отпустила на все четыре,
Теперь и ты отпусти.
В снах – не нужно, не навещай.
Зачем тратить время – не так ли?
Хватит и несказанного «Прощай!» –
Как последней капли...

Чтоб рухнула на весь в выбоинах тротуар
Парившая так высоко тема!..
Избегая света автомобильных фар,
Ухожу...
В темень.

.....
А ты теперь попробуй, оглянись,
Ступи назад – не одолеешь шага.
Всё, что тобой не выпущено в жизнь –
По трусости, безволию, из мести, –
Возьмет себе невзрачная бумага.

Впитает каждый выдох, каждый вздох
Любой строки, которую ты пишешь,
Смесь шутовства, изысканности, лести...
Да, ты – заложник, но, увы, не чести...

И тихое моё «Храни Вас Бог...»
Того тебя, каким ты стать не смог,
Уже давно не окликает,
Слышишь?..

* * *

Послушною рукой припишешь «Дорогая...»,
Помчишься по делам, едва надев пальто...
Мне интересен ты... и пусть недосыгаем
Твой долгий млечный Путь.
И что с того, и что?..

Тут поводов грустить – что той тележки с возом,
Но чаши на весах обманчиво равны.
Наиву не впервой соперничать с серьёзом,
И веры нет в себе,
И нет ничьей вины...

Юлия РАХМАТУЛИНА
г. Псков

* * *

Есть такое, знаете, слово простое
– Единство.
Здесь не я и не вы:
Здесь сплочённый и сильный народ.
Это слово – что флаг
в бою
за Отчизну,
В дни волнений
И в тяжкие годы невзгод.

Это было уже:
В сорок первом году, там, в июне,
Нас назвали ключами
к парадным дверям в Ленинград.
Но не сдавшийся город с кипящею сталью душою
В оккупации создал
тогда
Партизанский отряд.

И поднялись на бой.
И оружие взяли Алёшки.
Вместе с Петькой,
И Колькой,
И Ванькой
Кричали «Вперёд!»
Кто-то первым упал:
Неказистый и славный мальчишка,
Слишком юный,
Чтоб вечно глядеть в небосвод.

Слишком сильный,
Чтоб просто не выйти в разведку.
Слишком храбрый,
Чтоб просто сбежать из-под пуль.

Слишком рано упавший
Какой-то Мальчишка,
Слишком рано попавший
В страшнейшую
Из всех
Бурь.

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕЕ ПИСЬМО

Здравствуй, мам.
Ты прости меня, правда, прости!
В одеяло завёрнуты только подушки.
И в саду через поле меня не ищи –
Подожди только малость,
Немного.
Немножко.

Мы вернёмся с победой одним ясным днём,
И не будет на псковской земле оккупантов!
Мы вообще, знаешь, мама, в разведку пойдём!
Я послушной вернусь. Только жди меня, ладно?

Я не буду уже малышам объяснять,
Что такое бояться и что значит бомбы.
Мои дети учиться не будут стрелять –
Мои дети будут учиться помнить!

Испеки мне пирог из ранеток весной
И поставь на оконце остыть. С ароматом
Райских яблок я вхожу в наш маленьких дом.
Тут не будет уже обожжённого смрада.

Я войду очень скромно, а ты, отступив,
Не поверишь и ахнешь, прихватку сжимая.
Крепко-крепко обнимешь и, знаю, простишь...
А я тихо скажу: «Я скучала, родная».

РАЗГОВОР С БОГАМИ

(перевод с башкирского – Николай ПЕРЕЯСЛОВ)

Стою на вершине Олимпа. Один.
Не я здесь хозяин. Не я господин.
Вон кресло великого Зевса,
а ниже – вход в бездну разверзся.
Я лишь поклониться взобрался сюда
от имени тех, кто уже никогда
не смогут к Олимпу приехать,
растаяв в веках, словно эхо...
Чтоб мысли свои в суете не забыть,
я всё повторял их в дороге.
Мне даже с людьми нелегко говорить,
а здесь предо мною ведь – боги!

– Итак, – обратившись лицом на зарю,
я начал, – простите за дерзость,
но не от себя я сейчас говорю,
а от стариков и младенцев –
от ваших потомков, что, словно во мгле,
живут, разрываясь на части.
Вы стали легендою. А на Земле –
не стало ни правды, ни счастья.
Вы слышите грохот? То вовсе не гром,
а взрывы ракет и снарядов.
То – зло, беспощадно воюя с добром,
весь мир уподобило аду.
Когда вы исчезли с Олимпа, то в мир
явились, страшнее драконов,
посланники тьмы, что устроили пир
на прахе вчерашних законов.
Они сеют смерть по Земле, сеют страх,
чтоб съесть нефтеносные страны.

Они утопили планету в кострах
конфликтов и войн непрерывных.
А те, кто собрал миллиардов мешки
и мог бы весь свет осчастливить,
на мир через чёрные смотря очки,
чтоб горя людского не видеть.
Банкир к должникам своим неумолим,
его не упросишь словами.
Ну кто из богатых взойдёт на Олимп,
чтоб шею склонить перед вами?
А вот пересечь океаны, спеша,
и, как на закланье, покорно
склониться главой перед банками США –
такое для них не зазорно.
Но я не к банкирам пришёл. Мне от вас
хотелось услышать ответы,
пока в моём сердце огонь не погас
и не дошагал я до Леты.
Скажите мне, боги Олимпа, скорей,
когда будет Рай на планете,
и станут ли люди – добрее зверей,
и плакать разучатся дети?
Скажите, когда стихнут слёзы и плач,
а власть будет вновь справедливой?
И скоро ль исчезнет последний палач
и жизнь будет снова – счастливой?

Вздохнула гора. И, как жаром огня,
повеяло в воздухе летнем.
И будто бы голос дошёл до меня
с хрипением тысячелетним.
То – Зевс мне ответил, владыка богов,
с далёких своих, неземных берегов:

– Я всё понимаю. Я тысячи лет,
как некогда гимнам, внимаю
лишь стонам и плачам, что ищут ответ
на то, почему жизнь земная
давно стала людям мрачнее тюрьмы
и властвуют миром посланники тьмы.
Ты видишь – Олимп наш давно опустел,
и нет у нас сил, чтобы править
порывами чувств и движением тел –
и их, куда надо, направить.
Все эти столетья мы видели вас,
болели за вас и страдали.
Но нет у нас сил, чтоб спасти вас сейчас, –
мы их вам давно передали!
И я б, как и ты, мог спросить всё точь-в-точь,
да нет моей власти, чтоб людям помочь...

– Спасибо, владыка! Мне ясен ответ.
Прости, что призвал пробудиться.
Но я теперь знаю: чтоб выжил наш свет –
придётся самим потрудиться.
И в ком ещё бродит дух правды в крови –
все взрослые, старцы и дети, –
должны мы сплотиться отныне в любви
и зло победить на планете!

Александр СЕБЕЖАНИН
г. Псков

* * *

Мне даль поёт
 рассветною сосной
волшебный сказ
 о том,
 как здесь весной
мчит по утрам
 тумана кобылица,
чтоб миражом рассветным
 раствориться
в пространстве дня,
 исчезнув от погони...
Зеленогривые за нею
 мчатся кони...
Рассветный шорох...
 Звонкий смех берёз...
И удивлённых глаз
 твоих
 вопрос...
А под окном
 щебечут клён
 и ясень...
И входит день –
 весенен и прекрасен!

* * *

Вот опять подождла осень
вязов и клёнов листву,
и рябиновых ягод
повсюду костры запалила,
и берёз позолотой
высоких небес синеву
от земли разноцветья
волшебным мазком отделила.

Воздух чист и прозрачен,
как горный природный хрусталь,
лишь на синем белеет
летающая облачком стая.
«Путь счастливый вам, птицы!» –
мои тихо шепчут уста.
«Не скучай, мы вернёмся!» –
с высот кличут мне, отвечая.

По кустам притаилась
осенняя тихая грусть,
что тонка и нежна,
с паутинкою схожа летающей...
Осень шорохом листьев мне шепчет:
«Я снова вернусь!..»
Возвращайся, любимая!
Жду! Без тебя я – пропащий!..

* * *

Мой путь теперь – нелёгкий и неблизкий:
В свой отчий дом, к заветному огню,
Чей свет храню, как облик материнский,
Как счастье детства дальнего храню.

В душе с годами – тихо, молчаливо...
Хоть до сих пор я слышу шорох звёзд,
И шёпот с детства мне знакомой нивы,
И тихий шелест отчих тех берёз!..

Вера СЕРГЕЕВА
г. Псков

В СКИТУ

На картину А.Васнецова

Среди суровой глухомани,
Куда и зверь не всяк бежит,
На тёмной крошечной поляне
Стоит, чуть зримый, старый скит.

К нему дорог наезжих нету.
Давно оставивши тщету
И суету мирского света –
Живёт молитвенник в скиту.

У образов горит лампада...
А старец вышел на крыльцо.
Блаженства тайного отрада
Кропит и душу, и лицо.

И держит голову седую
Его ослабшая рука,
И думы в жизнь его былую
Текут, как быстрая река...

От этих дум чтоб отрешиться,
Он вновь к молитве припадёт
И будет истово молиться
За Русь свою и за народ...

СОЛДАТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Русь на дыбы вздымая,
Мчался двадцатый век...
Первая мировая –
Веку дала разбег.

Жаль, что нельзя потрогать
Время, восход, закат...
Крест на погосте Нёготь,
Снимки и цифры дат...

Пётр Петрович Кузин –
Георгиевский кавалер!
Быт его здесь – не грузен.
Прошлое – нам пример.

Кузин Иван Петрович.
Слыл он – богатырём.
Служил при Дворе, в охране,
Бывал на фронтах с царём.

Его защищал собою
От смертоносных бед...
Награды был удостоен,
Которой – уж выше нет.

Сам царь наградил солдата,
Его простолюдный чин, –
Не орденом и не златом –
Икону свою вручил.

На ней «Господь Вседержитель»
В серебряный взят оклад.
Её деревенский житель
Брёт пуще всех наград.

И с нею пришёл он в Горки¹,
В родимый свой дом, к семье...

¹ Горки – деревня в устье реки Великой, в которой жили братья Кузины, герои Первой мировой войны.

Ах, годы! Как – санки с горки,
Как – облако в синеве...

...Я – в храме. Светло – от Выси,
И ладана дух, как – встарь,
И Лик, перед Кем молился
Последний наш русский царь.

* * *

Только с крылечка – навстречу мне звёзды,
Только на тропку – полынная чадь...
От суеты и до Вечности – вёрсты,
Разумом их не объять, не понять...

Месяц в речной колыхается сини.
Стынет за лесом сгоревший закат.
А за закатом – уже не Россия,
Там чужеродный селений парад.

Святят им эти же чистые звёзды
И отражаются в чьём-то пруду.
Так же качает полынная роздымь
Чью-нибудь радость и чью-то беду...

Нас разделяют приметы границы
И пограничный серьёзный дозор,
Им не подвластны лишь вольные птицы
Да золотистых созвездий узор.

Вот бы и нам, как созвездьям, как птицам,
Не утопать бы в губительном зле,
Не враждовать бы, а всем – научиться
Светом душевным светить на Земле.

Елена СНИТКИНА
г. Великие Луки

* * *

Полотна красные, полотна белые...
Ах, люди-люди, что вы наделали...
Счастливым жизни миг дарован каждому –
Чинов и титулов Господь не спрашивал.

Откуда ж зло в сердцах да зависть чёрная?
Господь в забвении, а служим ворогу.

Как жажда велика владеть чужой судьбой,
Чтоб самому в шелках, а брат пускай босой.

Чтобы себе дворцы, богатства, звания...
Пусть брат на паперти ждёт подаяния.

Когда ж наступит срок предстать пред лик святой,
Златых монет мешок ты не возьмёшь с собой.

Там не играют роль твои одежды пышные –
Там отзовется боль, что причинил ты ближнему.

Ведь светлым жизни миг дарован каждому,
А роду-племени Господь не спрашивал.
Полотна красные, полотна белые...
Ах, люди-люди, что вы наделали!

* * *

Здравствуй, край мой, любимый, брошенный!
Вот и свиделись мы с тобой.
Я сегодня не гостьей непрошеной –
Дочкой пришла долгожданной, родной.

Как же я по тебе скучала!
Посреди городской суеты
Мне тепла твоего не хватало,
Шума ветра, прозрачной воды.

Я здесь каждое деревце помню:
Яблоню, что росла у окна,
Милый яшень поглажу ладонью,
Жаль, что ёлка осталась одна.

И давно заросла тропинка
К родному крыльцу, да нет и крыльца.
Лишь грустит одиноко рябинка,
Слёзы смахивая с лица.

Я помню утро жемчужно-росное,
Песню зяблика в ивняке,
Небо ночное серебряно-звёздное,
Солнце, умытое в синей реке.

Здесь когда-то всё счастьем дышало,
Ароматом сада в цвету,
И мелодия нежно звучала
Колокольчика на лугу.

Мне бы, край мой, с тобой остаться!
Да нельзя – невовратно прошлое.
Уходить и вновь возвращаться
Буду к тебе по траве нескошенной.

НА ЛАДОНЯХ РУСИ

На ладонях Руси, где болота и лес,
Где крутые холмы достают до небес,
Древний город родился и в битвах мужал
И с отвагой набегι врагов отражал.

Глядя с ближних лесов на узорочье крыш,
Враг вздыхал: «Град велик – он совсем как Париж!
Вот бы город такой нам самим заиметь!
Помоги же нам, Боже, его одолеть!»

Только град никому не дано покорить,
Как Пскову и Великую не разделить,
Он поныне хранит верность древним словам
На старинном мече: «Честь свою не отдам!»

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Пусть сияет самым ярким светом
Этот день, великий и святой.
Над садами с яблоневым цветом
Небеса синеют высотой –

Океан бездонный и спокойный, –
Тень от птичьих крыльев на земле...
Пусть сегодня все утихнут войны,
Прорастут цветами по золе.

Пусть в весеннем небе вышивает
Вечер звёзды нитью золотой.
Мать малютку в тишине качает:
«Ничего не бойся, мой родной».

ИЗБОРСКИЕ БАШНИ

Седые башни крепости изборской,
Стоите величавы вы, горды.
И кажется порой мне, что вы так же,
Как в древности далёкой, молоды.

А повидали вы уже немало,
Вы много испытали на себе:
Запомнили зловещий звон металла,
Победу над ливонцами – вдвойне.

И, где бы ни была, я не видала
Такой неповторимой красоты.
И, как бы тебе трудно ни бывало,
«Железный город», непокорен ты!

ИЗБОРСК

Изборск предо мной. Снова здесь я встречаю
Знакомых, друзей, величавость церквей,
Музей и театр. Изборск – что я знаю –
Одет в известняк, мыт слезой матерей.

Немецкий поэт назвал градом железным
Наш город старинный за стойкость в войне.
Красив, величав, как с гравюры известной,
Возвысился ты на Жеравьей горе.

Тебя воспевали Ревякин и Рерих,
Рисуня Никольский захаб и тайник,
Желая величие башен измерить,
Воспеть тот Изборск, что главой не поник.

С годами своё не уменьшил значенье:
Здесь толпы туристов у стен крепостных.
Я, здесь побывав, ощущаю волнение,
Как будто реликвий коснулась твоих.

РУССКИЕ КРЕПОСТИ

Крепости русские – башни, шатры их и стены –
Время разрушило больше войны и беды,
Но средь земного разора, духовного плена
Нам они видятся чашами чистой воды.

В прошлом остались сражения, пламя пожаров,
В прошлом – победы, а ныне – забвенье и тлен;
Лишь коробейники россыпи ярких товаров
Снова разложат у кровью пропитанных стен...

Старые крепости башнями тянутся в небо,
Дружат с ветрами, дождями: такая судьба –
Посеребрённые временем белым, как снегом,
Ждут, когда вновь позовёт боевая труба...

ДУША – ПОЛЕ

Скажет кто-то, что поле – лебеда, и не боле,
Ковыли и крапива – от озёр до лесов.
Ковылями подушку
Я набью и – под ушко
И усну безмятежно, без раздумий и снов.

Только – нет! Поле – травы, да луга заливные,
Да просторы степные на ладонях земли,
Васильковые сини –
Вдоль безбрежной России,
Где плывут огоньками города-корабли.

Пусть волнуются травы под тугими ветрами,
Тайны давние шепчут на своём языке,
И медовый их дух – густ,
Тяжелеют под август,
Льнут к ногам, как борзые, что идут в поводке.

Им, умытым росой, лечь судьба под косяю,
Им гореть и дымиться в годы жаркие смут.
И, быть может, донине
Стебли красной полыни
Отсвет дальних пожаров в своём сердце несут.

Я люблю это поле с изумрудной росой,
День, что щедро ромашкой кружевною расшит.
Расстилают луга синь,
Набирает трава сил –
Воплощенье земное нашей русской души.

ИВАН-ЧАЙ

За цветущим иван-чаем –
 ярко-синяя полоска:
Это с неба летний полдень
 отражается в реке.

Как красив на ярко-синем
 иван-чая стебель броский,
Что у берега речного
 чуть дрожит на ветерке.

Вдоль дороги длинногого
 машет красными цветами,
На опушках, пустырями
 иван-чай кругом растёт.

Без огня согреет душу
 слов простое сочетание –
Так тепло и так по-русски
 окрестил его народ.

И, растущий без призора, без ухода,
 в чистом поле,
Без прополки и полива,
 он – красив, неприхотлив.

Крепкий стебель с алым цветом,
 иван-чай, родной до боли,
Дорог сердцу, будто песни
 незатейливый мотив.

КРЫЛЬЯ

Я – в самом начале полёта,
Мне кажется: тысячу лет
Лечу в ожиданье чего-то,
На мною лишь видимый свет.

Я – птица, я – птица, я – птица!
И знаю я наверняка,
Что может в крыло превратиться,
Почувствовав легкость, рука.

И песнею станут заботы
Обычного хмурого дня;
Охватит волнение полёта
Всех тех, кто поверил в меня.

Я – птица, я – птица, я – птица!
Пусть не было крыльев – и нет:
Мне с чувством полёта родиться
Случилось когда-то на свет!

ПОЭТУ

Пускай судьба тому продляет срок,
Чьё быть всегда в пути предназначенье,
Кто кровью сердца пишет между строк,
Душой слагая вечные творенья.

Кто по земле, как вечный пилигрим,
Идёт, презрев невзгоды и препоны,
Поёт душой всему земному гимн,
Колоколов внимая перезвонам...

МОЛИТВА

Господь! Храни Россию!
Спаси от ханжества и зла,
От лжи, коварства и предательства,
Не дай опять распять Христа!

Господь! Дай силы слабому,
Влей смелость, доброту
В ещё стучащие сердца.
Дай шанс достойному,
Жизнь – ждущему любви,
Смерть – как избавление,
Награду и венец пути.

Таланту дай тянуться к Солнцу,
Дай распуститься полевым цветам,
Пустынным и садовым:
Пусть радуют, пусть утешают, исцеляют души,
Пусть разделяют счастье и печаль.

Птенцы пусть рвутся на свободу.
И пусть, подстреленные, не упадут.
Пусть в небесах парят, на воле.

Пусть будут Жизнь и Мир,
И путнику – приют!

НА ЛЮБОВЬ

Ой вы, свечи тонки,
Золотые головки!
Помогите:
Любимого приведите.
Пусть на меня любитесь не налюбуется,
Пусть слова подвенечные сбудутся:
Будем вместе мы, кольцом свитые,
Друг другом любимые.

КРОМ

Души чистые, руки крепкие
Возводили те стены древние;
Возводили их по-над кручею
Мужи славные да могучие.

В стенах каменных не сочтёшь бойниц,
Чтобы враг не смог преступить границ,
Чтобы падал он навзничь да ничком,
Не сумев войти в славный древний Кром.

За Великими за воротами,
За захабами с поворотами
До небес собор возвышается –
Домом Троицы величается.

Этот наш собор – православный храм,
Ольгой праведной был завещан нам.
Каждый Божий день служат службу в нём,
Поминают всех, кто почил за Кром.

ВЕЧЕР НА ВЕЛИКОЙ

Затихло всё на пляже городском –
Ни гомона детей, ни чаек крика.
Тобой любуюсь, православный Псков –
Плескавы тёзка, сын Руси великой.

Ни гомона детей, ни чаек крика
Не слышно над Великою рекой.
И солнце, погасив на волнах блики,
За монастырь скатилось на покой.

Тобой любуюсь, православный Псков –
Часовенками, башнями, церквами...
Коснётся сердца звон колоколов,
Очистив грязь с души моей слезами.

Плескавы тѣзка, сын Руси великой –
Свидетель и участник ратных дел,
Изведал ты не раз, «почѣм фунт лиха»,
Но не поник главой – лишь поседел.

ЗАБЫТЫЙ ПОДВИГ

Такой войны Земля ещё не знала:
Не реки – море крови на фронтах.
Поля боѣв усеяны металлом,
Баллоны с едким газом ждут атак.

С блицкригом граф фон Шлиффен просчитался,
Идея «двух фронтов» трещит по швам.
В окопах пехотинец оказался,
Чтоб «кровным братом» стать тифозным вшам.

На западе наметилось затишье,
Немецкий штык направлен на восток –
Не удалось «позавтракать в Париже»,
В России пообедать ганс готов.

Но преградила крепость путь германцам,
Что на реке Бобры́ возведена.
Уверен враг – у россиян нет шансов
И через пару дней падѣт она.

Ошибся немец – больше полугода
Держался осаждѣнный Осовец!
Не одолели русского народа
Ни хлорный газ, ни пушки, ни свинец.

На штурм бросают тысячи ландверов –
Победа долгожданная близка,
Но встали за Отечество и Веру
Пехотные Землянского полка.

Шли на врага из пекла шесть десятков
Кровоточащих язвами бойцов –
Бежал германец, лишь сверкали пятки...
Страшна была «атака мертвецов»!

Татьяна ТРАШКОВА
г. Великие Луки

* * *

Эй вы, ненавистники «проклятой Рашки»,
Постящие в твиттер какой-то артхаус.
За нами – матрёшки и чебурашки,
А с вами – прогнивший насквозь Микки Маус.
Когда вы изволите речь завести,
На небе тотчас же сгущаются тучи.
Ох, Господи боже, ты уж прости,
Во что превратили великий-могучий!
Вы сленговых слов нахватались и рады,
Кичитесь, как будто бы стали умнее.
Да проку-то ноль, зато шума громада –
Как ножницы ночью по батарее.
А вы, патриоты? Ну смех, да и только!
А шуму-то – выше, ё-моё, крыши.
А что там с историей? Что? Опять двойка?
Зато мы быстрее, сильнее и выше.
Зато у нас рост, процветанье, стабильность,
Чего-то построили, что-то достанут...
Ещё в зоопарке тигрёнок родился,
«Телевизер сказал» – а там врать не станут.
Да, в нашей стране есть чему подивиться.
Но стоит ль кидаться из крайности в крайность?
Вы все на словах словно гордая птица,
На деле – от вас прёт озлоб и вульгарность.
Давайте же делать любовь, а не войны!
И пить с кем-то чай под музыку ливней.
Тогда, может быть, станем все мы довольны.
Так будем культурней. И будем терпимей.

ДУРАЧОК

Бежит дурашка-шут
По полю гневной брани.
Невесел, не обут.
Без пятака в кармане.
Бежит себе вперёд,
Размахивая флагом.
Он не ведёт народ
К медалям «За отвагу».
Он бросил короля,
Он обманул охрану.
Бежит через поля,
Не замечая рану.
Бежит себе, бежит.
Он вестник революции.
Он меч, и он же щит.
Ни грамма и ни унции
Не стоит ни душа,
Ни смех его, ни дело.
Но он, ускорив шаг,
Волочит своё тело.
И прочь бежит дурак.
Но он умнее многих –
Там остаётся мрак
И вместе с ним дороги.
Но рухнет его план,
И будет он повержен.
А он хотел оставить нам
Одной проблемой меньше.

Нина УЛЬЯНОВА
п. Новоизборск Псковской обл.

* * *

Мудрые Словенские ключи
К озеру стремительно сбегают.
Светлые играют в них лучи,
Искрами, алмазами сверкают.
Брызгами, дробясь, вода летит,
Мудрость вековую собирает,
Пробираясь сквозь эпох пласты.
Сколько же они о прошлом знают?
Каждый ключ по-своему звучит
И своё предание расскажет.
Ледяной прохладой освежит
И дорогу верную подскажет.
Счастьем жить средь красоты горды,
Лебеди ручные подплывают,
И напиться ледяной воды
Ночью Птица счастья прилетает.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПСКОВУ

Стены над тёмной водой,
Башни над Великой и Псковой.
Яхты на закат к озеру скользят,
За собою напев унося.

Псков мой уснул до утра,
Лишь скрипят на башнях флюгера,
Ветер по воде рябью пробежит,
А потом в парусах зашумит.

Город мой, сколько веков
Ты не знал покоя от врагов!
Польхал огонь, да гудел набат,
И оружие брал стар и млад.

Выстоял в битвах с врагом,
Пережил века могучий Кром,
Троицей храним. Ольгин град святой,
Славься, город, своей красотой!

В лунном сиянье кресты,
Дремлют над Великою мосты,
Ветерок затих, и уснул прибой.
Мирных снов тебе, город родной!

* * *

– Ты скажи мне, ивушка плакучая,
Отчего взгрустнула у воды?
– Затянуло небо чёрной тучею.
Ох, не миновать большой беды.

Обступили город люты вороги,
Обложили так – не продохнуть.
Притащили лестницы да пороки –
Сокрушить хотят у Пскова грудь.

Метят в сердце – Пресвятую Троицу.
Уж по стенам, подлые, ползут.
Ждут – ворота сами им раскроются
И ключи с поклоном принесут.

– Успокойся, не волнуйся, милая!
Пскова им вовек не захватить.
Сколько раз являлись с тяжкой силою –
Приходилось ноги уносить.

Уберутся прочь ни с чем враги постылые.
Чтобы город им не взять и впредь,
Буду я голубкой сизокрылою
На кресте Пароменья сидеть!

ПСКОВ, ТЫ УГРЮМОЕ СЧАСТЬЕ МОЁ

Псков, ты угрюмое счастье моё,
Гордая нежность,
Терпко-хмельное густое вино...
Старая крепость,

Чуткой прохладой манящая тень
Каменных кладок...
Запах покоя уютных церквей
Томен и сладок.

Псков, ты лазурная, свежая гладь
Речки Великой,
Слава Кремля, святых пращуров стать,
Светлые лики...

Древний таинственный шёпот веков –
В летопись капля...
Псков мой таится в тиши берегов
Серою цаплей.

Божия мать обнимет, любя,
Псков, твою древность,
В тёплой душе принимая тебя,
Как неизбежность.

СЕБЕЖСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Себежский туманный полуостров,
Я у красоты твоей в плену...
Так уехать от тебя не просто,
Но и жить здесь больше не могу.

Радостно встречать твои рассветы
На озёрно-влажных берегах...
Память сохранию навек об этом
В глубине души, в своих стихах.

Буду вспоминать твои закаты,
Резкий крик летающих стрижей,
Свой рассказ начав со слов «когда-то»
За весёлой чаркой у друзей...

Или вдруг затянет сердце грустью,
И в какой-то миг сама с собой...
Вспомню о любимом захолустье
С распрекрасной себежской волной,

Об озёрном несравненном чуде,
О российском тихом городке,
Что, надеюсь, тоже не забудет
О моих стихах и обо мне.

ПСКОВЩИНА

Псковщина, льняная ты окраина,
Сказочной, большой России тень,
Я люблю до боли, до отчаянья
Красоту лесов твоих, полей...

Весело звенят ключи изборские,
Торопясь к воде озёр и рек,
Башни белой крепости неброские
Сторожат Изборск из века в век.

Лукоморья дух, наследье Пушкина
Заповедник бережно хранит
Близ Пушгор, зелёными макушками
К нам склоняясь, слушает стихи.

Псков, мой древний Псков с судьбой великою,
Без тебя жить долго не могу,
Знаю, ты меня с тоскою тихою
Серой цаплей ждёшь на берегу.

И куда б судьба меня ни бросила –
Хоть на север крайний, хоть на юг,
Псковщина, к тебе, моя хорошая,
Я вернусь всегда из всех разлук.

ТАК ХОЧЕТСЯ В СКАЗКУ ПОПАСТЬ...

Так хочется в сказку попасть непременно,
Где цепь золотая на дубе бессменно,
Где кот говорящий, на ветке – русалка,
Где леший по лесу бредёт вперевалку,
Где витязи есть, королевич, царевна,
Где волк – серый друг – служит долго и верно.
На ступе Яги полетать бы по небу,
В глубины морские нырнуть, словно в негу,
Вступить с колдуном в напряжённую схватку,
Бессмертья Кощея распутать загадку...
Да мало ль чудес на просторах туманных!
Но как же найти нам тот путь долгожданный?
Мы знаем! Нам в книжках откроется дверца,
Где сказки нас ждут... Там живёт наше детство!

ПАРОВОЗИК ПО ИМЕНИ «ЖИЗНЬ»

Паровозик по имени «Жизнь»,
Отмечая отправку гудком,
От вокзала «Рожденье» бежит,
Чтобы в «Детство» ворваться потом.
Чтобы к станции «Юность» успеть,
Чтобы к «Зрелости» в срок подойти.
Если топливо будет гореть,
Встретит станцию «Старость» в пути.

Отправляясь в назначенный рейс,
Познаёт паровозик маршрут,
Обозначенный линией рельс,
Расписанием часов и минут.
Вот опять уплывает перрон...
Был помощник, уже машинист.
Каждый год добавляет вагон.
В биографии – транспортный лист.

Можно что-то в пути поменять:
Есть у стрелок ручной перевод.
Только поезд не двинется вспять,
Может ехать он только вперёд.
А состав всё длинней и длинней,
Пассажиров всё больше. И груз
Возрастает с течением дней.
Появляется опыт и грусть.

На платформах подсядут друзья,
Кто-то близкий сойдёт навсегда.
И так жаль, что вернуть их нельзя
Никогда, никогда, никогда...
Только дальше ты поезд ведёшь,
За дорогой следишь, напряжён.
Коль устанешь и скажешь: «Хорош!» –
Паровозик пойдёт под уклон.

И не будет наград и побед,
Механизмы отправят на слом...
А на красный отправишься свет –
Всем известно, что будет потом.
Пусть летит паровозик вперёд
Через холод, ненастье и тьму.
Пусть тебе, машинист, повезёт!
Лишь рычаг не давай никому.

ОГНЕННАЯ МУЗА

Смотрю я долго на огонь,
Дивясь игре его умелой:
Он так подвижен, только «тронь»,
Как тут же выгнется всем телом.
И пляшет... В грации его
То лисий образ, то кошачий,
То дьяволицы, то Пьеро,
То будто конь по полю скачет.
Огня изгиб, как приворот,
Влечёт меня, не отпуская.
Его виденье в плен берёт,
Чарует сила колдовская.
И благодарна я огню –
Он музу разбудил мою...

ДИАЛОГ ПЕРЕД СНОМ

- Спать пора, сынок, ложись.
- Мама, сказку расскажи!
- Поздно, милый, надо спать.
- Я и книжку взял в кровать.
- Нет, малыш, уже нельзя.
- Не усну без сказки я!
- Ты устал, и я устала...
- Прочитай мне хоть начало!
- Спят твои, котёнок, глазки.
- Не уснут они без сказки!
- Ножки бегали весь день.
- Сказку слушать им не лень!
- Ручки целый день играли.
- Ждут, чтоб сказку прочитали!
- Ротик твой болтал с утра,
 Отдохнуть ему пора.
- Ручки ротик мой прикрыли!
- Что мне делать?!...
 Жили-были...

ЗА ОКНАМИ ДАВКА...

За окнами давка, толпится листва...
(Б.Пастернак)

ЗА ОКНАМИ ДАВКА, ТОЛПИТСЯ ЛИСТВА.

Берёзка в автобус успела едва,
Торопится клён в министерство по делу,
А дуб в префектуру спешит оголтело,
Осина на рынок бежит спозаранку,
А клён у окна доедает баранку...
И тополь стоит у автобусной двери –
Всем ехать непросто в такой атмосфере!
И скоро у всех заболит голова...
ЗА ОКНАМИ ДАВКА, ТОЛПИТСЯ ЛИСТВА!

СОДЕРЖАНИЕ

А. Бениаминов. Словенское поле – 2014	3
Вадим Негатуров, г. Одесса	
Солдаты Духовной Империи	4
Колокольный звон.....	5
Мужская молитва.....	6
Марш Куликова поля	7
Андрей Канавщиков, г. Великие Луки	
Украинское пламя.....	9
Беда и счастье	10
Сильны памятью.....	10
Роман Клют, г. Павлово Нижегородской обл.	
Ода одесситам.....	12
Эдуард Петренко, г. Печоры Псковской обл.	
Памяти Вадима Негатурова	13
Словенское поле	13
Скобарь	14
Марина Абрамова, г. Псков	
Одесса	15
Дерево	16
Мария Парамонова, г. Смоленск	
Баллада о сожжённых	17
«Кто говорит на древнем языке...»	18
«Перед иконою свеча...»	19
Сергей Зайцев, г. Городец Нижегородской обл.	
Монолог ополченца	20
«Ты бросил камень. Камень возвратился...»	20
Баллада о Китеж-граде	21
«Горе нам, горе нам, горе нам...»	23
Александра Ирбе, г. Москва	
Дереву на братской могиле. Вязьма	24
В посёлке Счастье	25
О присоединении Крыма.....	26
Владимир Савинов, г. Псков	
«Да хватит стонать по России...».....	27
Донецкая народная республика	28
«Иду я по тропинке меж цветов...»	28

Елена Ларина, г. Таллинн, Эстония	
Майдан	30
Нам оттепель пророчили	32
Апрель	33
Андрей Бениаминов, г. Псков	
«Имеют право русские на суд...»	34
С добрым утром...	34
В одном строю	35
Табу	35
Елена Копытова, г. Рига, Латвия	
«В плацкартном вагоне...»	36
Дорожное	37
Крепкий орех	38
Темур Варки, Душанбе – Москва	
А ты не звони	39
Двое на песке	39
Казашке	40
Переводы (Хафиз Ширази, Саади Ширази, Омар Хайям)	41
Алёна Жеглова, г. Великие Луки	
Язык	43
«Святогор»	43
Сосны	44
Чайная церемония	45
Родная речь	45
Андрей Васильев, г. Псков	
«Там, за окном, который вечер...»	46
Куст	47
Круги на воде	48
Марина Волкова, г. Санкт-Петербург	
«Не спеши хоронить то, что дорого...»	49
Слишком дымно вокруг	50
Осень в Изборске	50
Ирина Блажевич, г. Рига, Латвия	
Валюшка	52
Осознание	53
10 февраля 1837 года	53
Артур Гайдук, г. Псков	
«Безумный мастер по ночам не спит...»	54
Врут соседи, кошки и снегири	54

Из окна хосписа	55
Послесловие	56
Татьяна Гореликова, г. Псков	
«Высокий берег, глубока вода...»	57
«Деревенка – русская душа...»	57
«Душа не оставит меня умирать...»	58
«Теплится лампада...»	58
Сергей Горшков, г. Псков	
Предназначение	59
Слово для души	59
Об одиночестве	60
Владимир Иванов, г. Псков	
Здесь изрыгали зарево огни	61
Иван Иванов, г. Псков	
Родившимся после войны.....	62
Последний гармонист.....	62
На Веретьей горе.....	64
Игорь Исаевъ, г. Псков	
Испания	65
«...И закат не заметили, ибо...»	65
«Бог не вернул ума и чувств...»	66
Надежда Камянчук, г. Псков	
Высоцкому, Пушкину... И многим другим поэтам.....	67
В Михайловском	68
Серебряный век.....	69
Андрей Краденов, г. Москва	
<i>Триптих</i>	
Катастрофа	70
Свобода	70
Снилось мне.....	71
Наталья Лаврецова, Пушкинские Горы Псковской обл.	
«Мне знакомо лицо его...»	72
«На Руси когда-то без причины...»	73
«Неужели мужчин так прельщает война?...»	73
Анна Мелихова, п. Идрица Псковской обл.	
«В чём истина скрывается от нас...»	74
«Измерение нашего мира...»	74
«Излагая мысли на листок...»	75
«Искать... найти...»	75

Вячеслав Михайлин, г. Москва	
Осенний перезвон	76
Патриоты	77
В гражданских войнах.....	77
Рожь. Или ещё раз о патриотизме.....	78
Колыбельная.....	79
Владимир Павлов, г. Великие Луки	
Александр Матросов	80
Поэты – тоже ВВС.....	81
Игорь Плохов, г. Псков	
Гроза в городе.....	82
«Мгновенная фотография бытия...»	82
«Пусть совесть яростно клоочет ...»	83
«Чёрной ватой стелют ночи...»	83
Вита Пшеничная, г. Псков	
«Ты – моё чудо...». И ни слова в ответ...»	84
«Брожу из угла в угол в пустой квартире...»	84
«Послушною рукой припишешь «Дорогая...»	85
Юлия Рахматулина, г. Псков	
«Есть такое, знаете, слово простое...»	86
Шестидесятилетнее письмо	87
Марсель Салимов, г. Уфа	
Разговор с богами.....	88
Александр Себежанин, г. Псков	
«Мне даль поёт...»	91
«Вот опять подождла осень...»	91
«Мой путь теперь – нелёгкий и неблизкий...»	92
Вера Сергеева, г. Псков	
В скиту	93
Солдаты Перовой мировой.....	94
Только с крылечка – навстречу мне звёзды.....	95
Елена Сниткина, г. Великие Луки	
«Полотна красные, полотна белые...».....	96
«Здравствуй, край мой, любимый, заброшенный...»	97
Олеся Соловьёва, г. Псков	
На ладонях Руси	98
День Победы.....	98

Людмила Писарь, г. Печоры Псковской обл.	
Изборские башни	99
Изборск	99
Тамара Соловьёва, г. Псков	
Русские крепости	100
Душа – поле	100
Иван-чай	101
Крылья	102
Поэту	102
Оксана Стренадько, г. Псков	
Молитва	103
На любовь	103
Людмила Тишаева, г. Псков	
Кром	104
Вечер на Великой	104
Забывтый подвиг	105
Татьяна Трашкова, г. Великие Луки	
«Эй вы, ненавистники «проклятой Рашки»...»	106
Дурачок	107
Нина Ульянова, п. Новоизборск Псковской обл.	
«Мудрые Словенские ключи...»	108
Колыбельная Пскову	108
«– Ты скажи мне, ивушка плакучая...»	109
Ирина Яненсон, г. Себеж Псковской обл.	
Псков, ты угрюмое счастье моё	110
Себежский полуостров	110
Псковщина	111
Елена Черных, г. Москва	
Так хочется в сказку попасть... ..	112
Паровозик по имени «Жизнь»	112
Огненная муза	113
Диалог перед сном	114
За окнами давка... ..	114

Словенское поле – 2014

Стихи

Технический редактор Р. П. Васильева
Корректор Т. П. Николаева

Подписано в печать 25.12.2014. Формат 60x88/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Объем 7,5 п. л.
Заказ 168. Тираж 200 экз.

ГППО «Псков-Полиграф»
180004, г. Псков, ул. Ротная, 34